

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

**Миграция немецкой знати в XVII веке: аспекты «межнациональной»
сословной культуры**

Выпускная квалификационная работа

по направлению подготовки 46.04.01 «История»

образовательная программа магистратуры ВМ.5675.2015 «История и
теория наций и национализма»

Выполнила:

студентка II курса

очного отделения

Мигунова Анастасия Викторовна

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Прокопьев Андрей Юрьевич

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	3
Глава 1. Историография и источники.....	10
<i>Историография</i>	10
<i>Источники</i>	19
Глава 2. Имперская знать и дворянство в политической структуре XVII века.....	24
<i>Социальные структуры</i>	24
<i>Канун войны</i>	26
<i>Тридцатилетняя война</i>	29
<i>После войны</i>	32
Глава 3. Кризис войны и миграция.....	35
<i>Хронология и динамика миграционных потоков</i>	37
<i>Пфальцские Виттельсбахи</i>	42
<i>Маркграфы Баден-Дурлахские</i>	47
<i>Эбергард III Вюртембергский</i>	48
<i>Маршруты миграции</i>	50
<i>Стратегии адаптации Виттельсбахов</i>	64
<i>Материальная и сословная адаптация маркграфов Баден-Дурлахских и герцога Вюртембергского</i>	82
<i>Конфессиональная идентичность</i>	86
Заключение	91
Список сокращений.....	

Список используемых источников и литературы.....

Приложение.....

Введение

Приступая к работе «Миграция немецкой знати в XVII веке: аспекты «межнациональной» сословной культуры» в первую очередь следует пояснить причины выбора такой темы.

Развитие общества неизбежно влечет уплотнение контактов и связей между людьми. Со временем отдельные, некогда изолированные регионы становились ближе за счет многообразной интеграции местных социальных структур в более крупные, межрегиональные процессы. Связи расширялись, прежде всего, на уровне властных элит: конфликты интересов, частые войны и сложные междинастические комбинации обрекали на тесное общение. Возникал эффект своеобразного социального обмена, когда представители знатных семейств, могущественных родов поступали на службу или обретали приют у ближайших и дальних соседей. Возникал своеобразный «интернационал» элиты, основанные не только на общих идеях и идентичностях, но и на непосредственных личных контактах. Подобного рода внутриевропейская миграция знати становилась особенно заметной на переломных эпохах. Ранее новое время, столетия религиозного раскола, Реформации и последовавшей за тем наполненный войнами XVII век стали весьма показательными в этом отношении: войны и внутренние смуты, религиозные репрессии в сочетании с экономическими проблемами поднимали с насиженных мест и отправляли в путь сотни и тысячи представителей благородного сословия разных стран.

Тридцатилетняя война, нанеся большой урон центральной Европе, сыграла печальную роль и в судьбах многочисленных семейств немецкой знати. Весьма обширная немецкая историография не раз обращалась к этому крупнейшему политико-религиозному кризису XVII века. Военно-политические и во многом социальные обстоятельства этого грандиозного конфликта на настоящее время хорошо изучены. Среди крупных и сравнительно недавних общих работ можно выделить труды И. Бурхардта,¹ Г. Шмидта,² и К. Кампанна.³ Из англоязычной литературы отметим сборник статей под редакторством Д. Паркера.⁴ Так же одной из базовых работ может считаться монография известной английской исследовательницы Сесилии Веджвуд, впервые опубликованная в 1938 году.⁵

Считается, что Вестфальский мир, закончивший войну, положил начало новой системы международных отношений, а такие понятия, как «государство» и «интересы нации» выходят на первый план. Однако XVII век стал лишь предтечей формирования национальных государств, каковыми европейские страны на тот момент еще не являлись в полной мере. Именно поэтому в названии сознательно слово «межнациональной» было взято в кавычки, чтобы подчеркнуть отсутствие значимости этого понятия. Скорее мы можем говорить о межрегиональных и территориальных формах общения.

Вопрос, однако, в том, что большинство указанных работ не затрагивало аспекты именно межрегионального общения, социального «обмена» в ходе

¹ Johannes Burkhart: Der Dreißigjährige Krieg. Suhrkamp, Frankfurt am Main 1992

² Schmidt G. Der Dreißigjährige Krieg. 6. Auflage. Beck, München, 2003. 124 s.

³ Kampmann C. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Kohlhammer, Stuttgart, 2008. 228 s.

⁴ The Thirty Years' War. Ed. by G. Parker. L., 1997

⁵ Cicely Veronica Wedgwood. The Thirty Years' War. 1938

войны: этот аспект выпадал из поля зрения историков, увлеченных новыми воззрениями в области социально-политической и военной истории.⁶

В то же время нельзя не отметить развитие социальной истории и интерес к немецкому дворянству раннего нового времени в целом. Выделим, в частности, обобщающую работу Р. Эндерса,⁷ своего рода энциклопедию и справочник по новейшим проблемам истории немецкого дворянства, в которой подробно анализируются такие сферы жизни дворянства, как семья, образование, различные формы служебных практик, социальная мобильность.

При всем том, вновь аспект «война и миграция знати» специально не ставился и не рассматривался, в том числе и на примере самой Тридцатилетней войны. Немецкая знать в годы войны стала предметом преимущественно «внутринемецкого» социального анализа. Таких известных историков как Ф. Пресс, например, интересовали преимущественно структурные перемены под влиянием войны (размеры утрат, адаптация к новым послевоенным реалиям, структурные подвижки в протестантском и католическом дворянстве в области служебных карьер и ориентации на имперскую корону)⁸. Кроме того, традиционно большим остается интерес к военно-политическим судьбам отдельных владетельных домов и их представителей, в основном в свете новых архивных источников, как, например, в отношении баварских Виттельсбахов.

В тоже время до сих пор отсутствуют обобщающие работы как по воссозданию коллективного портрета сословной элиты, так и по отдельным

⁶ Krieg, Militär und Migration in der Frühen Neuzeit. Ed. by Matthias Asche / Michael Herrmann / Anton Schindling u.a. (Hgg.). Berlin, 2008. 296 s.

⁷ Adel in der Frühneuzeit. Ein regionaler Vergleich / Hrsg. von R. Enders. Köln, Wien: Böhlau, 1991. 199 S.

⁸ Press V. Kriege und Krisen: Deutschland 1600-1715. C.H.Beck, München, 1991

сословным группам, по низшему и высшему дворянству, равно как и по отдельным аспектам их повседневности. Тема вынужденной миграции знатных семейств и судьбы мигрантов и эмигрантов до сих пор остается без особого внимания немецких историков. Именно это обстоятельство позволяет нам говорить об **актуальности** данной проблематики.

Сегодня исследователи предпочитают делать акценты на трансформации этнических миграций в духе современных концепций рождения и трансформации этносов и «наций». Это затрагивает как раннее средневековье (Великое переселение народов), варварские миграции, проблемы взаимоотношения Запада и Востока, так и проблемы миграций нового времени в связи с раскроением границ государств.

Но в отношении позднего средневековья и раннего нового времени проблема миграций рассыпана на множество частей и объектов исследования.⁹

Так, например, в 2005 году в Тюбингене состоялась большая научная конференция, посвященная проблемам миграции в ранее новое время: «Война, армия, миграция». По итогам конференции был выпущен сборник.¹⁰ Рассматривались такие темы как: различие между добровольной и вынужденной миграцией; и миграция, которая инициирована государством.

В течение четырех дней обсуждались различные примеры массовых миграций в XVI - XVII века. Затрагивался и XVIII век как следствие предыдущего. Доклады были посвящены папскому войску, французским гугенотам, немецким солдатам. Профессиональными мигрантами была названа такая особая часть населения как наемники. Основной посыл

⁹ Brechenmacher T. Kampmann C. Migration und Religion - Glaubensbedingte Wanderungsbewegungen in der Geschichte: Einführung in die Gesamthematik//Historisches Jahrbuch. Ed. by Brechenmacher T. Kampmann C. München, 2015.

¹⁰ Krieg, Militär und Migration in der Frühen Neuzeit./ Hrsg. von Matthias Asche / Michael Herrmann / Anton Schindling . Berlin, 2008.

докладов сводился к тому бесспорному мнению, что географические миграции вели к социальной мобильности.

Особое место в конференции заняла Тридцатилетняя война. Так говорилось о миграции сельского населения в годы войны в условиях, когда сама городская община пыталась повлиять на этот процесс. В докладах излагались результаты статистических исследований на тему того, как после войны восстанавливались опустошенные районы, и тем самым возрастала иммиграция (на примере Бранденбурга). Помимо прочего в докладах звучало мнение, что принадлежность к той или иной конфессии, безусловно, выступало еще одним иницирующим фактором миграции вплоть до конца и XVIII века. Любопытны выводы в исследованиях о контактах шведско-финского населения и немцев в Померании. В этом случае первые называются «нацией», но лишь весьма условно. Интересна и та общая мысль, что и при эмиграции, и при захвате территорий существуют определенные социальные и коммуникационные связи.

Согласимся, что подобного рода крупные научные мероприятия вносят свой вклад в изучение миграций раннего времени, а точнее раскрывают новое направление и поле для исследований. Однако, миграции знати, в частности, в аспекте воспроизводства сословной идентичности в изгнании и на чужбине, места так и не нашлось. В центре внимания остаются крупные социальные потоки – миграции горожан и селян, религиозных меньшинств, военных.¹¹

К тому же в историографии XVIII – XX веков был свойственен «этатизм», желание придавать отдельным элементам общественных структур «протогосударственное» или «государственное» значение, видеть в социальных процессах предтечи будущего национального и государственного строительства. Особенно это было свойственно немецкой историографии, представители которой в XIX веке желали видеть родные земли объединенными в рамках нового национального государства.

¹¹ Jaritz G., Müller A. Migration in der Feudalgesellschaft. Frankfurt, 1988. 403 s.

Соответственно и процессы, характеризующие «интернационализм», мобильность, тесную взаимосвязь общественных элит, виделись скорее маргинальными, не соответствующими будущей великой цели объединения немецкого народа.

Соответственно в настоящей работе главной **целью** исследования является: выявление характерных черт миграции немецкой знати в условиях Тридцатилетней войны на примерах нескольких владетельных семейств.

Цель распадается на несколько взаимосвязанных **задач**:

- взглянуть на общий характер дворянских миграций в условиях кризиса Тридцатилетней войны и параметры миграции (география, хронологическая шкала, статистика численности и социального состава)
- выявить специфику механизмов адаптации эмигрантов на чужбине в зависимости от маршрутов миграции и регионов.
- отметить характерные черты мировоззрения и представлений о системе ценностей в условиях кризиса.
- обозначить соотношение национального, социального и конфессионального на избранных примерах.

Для осуществления поставленных задач используется **метод** структурного и сравнительно-исторического анализа. В центре внимания: миграция, понимаемая как структура и структурная составляющая повседневности немецкой знати в годы Тридцатилетней войны.

Если говорить об **объекте** исследования, то уточним следующее. Сегодня хорошо исследована именно конфессиональная миграция низших общественных слоев, вызванная войной, имеются солидные исследования, посвященные мигрантам из Богемии, Силезии, Лаузица, Австрии, о послевоенном восстановлении силами беженцев, как, например, в Бранденбурге или Саксонии. Меньше изучен коллективный портрет

мигрантов из числа дворян. Между тем речь идет о сотнях семейств, оказавшихся за пределами своего наследственного дома.

До сих пор слабоизученным здесь остается вопрос адаптации на чужбине представителей опальных фамилий имперской знати: пфальцких Виттельсбахов (семья опального курфюрста Фридриха V), семьи герцога Эбергарда III Вюртембергского и маркграфа Георга Фридриха Баден-Дурлахского. Они и становятся объектом исследования. При этом указанные имперские князья все ещё не стали предметом всестороннего анализа под углом зрения выработки стратегии адаптации на чужбине и реставрации своего статуса и статусных регалий в ходе войны и по её окончании. Тем самым **предметом** работы становится феномен миграции в контексте исследования подобной проблематики.

Оговоримся, что **хронологические рамки исследования** не ограничиваются только лишь годами Тридцатилетней войны (1618-1648) или временем эмиграции отдельных представителей. Характер исследования требует обширные экскурсы в предшествующую эпоху, и для полноты анализа поведенческой модели отдельных персонажей (Рупрехт Пфальцский) – во вторую половину XVII века.

Географические рамки ограничиваются не только крупными европейскими странами, такими как территория Священной Римской империи, Франции, Англии и Нидерланды. В какой-то степени в исследовании фигурирует бассейн Средиземного моря и даже берега Карибского моря и территория нынешней Канады, что объясняется жизненными перипетиями избранных для исследования персонажей.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Первые две главы являются по своему характеру вводными. Первая глава посвящена историографическому очерку по теме наших примеров мигрантов и той базе источников, на основе которой проводилось данное исследование. Вторая вводит в историко-политический контекст. Третья глава является основной

частью работы, в которой предпринимается попытка достигнуть цели исследования и ответить на поставленные задачи и вопросы. Итоги исследования и ответы суммируются и формулируются в заключении.

Глава 1. Историография и источники

Историография

В целом, обозначенные во введении примеры эмигрантских семей в историографии представлены не полными и зачастую однозначными исследованиями. Можно даже предположить, что историки преследовали одну конкретную цель в рамках той исторической парадигмы, которую представляли. Для историописания XVIII-XIX веков это сплошная политическая история и критерии историзма. В XVIII веке доминировала династическая историография и эрудитский подход. Таким историкам как, например, Заттлеру было важно реконструировать фактическую историю в духе идей Просвещения с опорой, прежде всего, на династию: династия и страна сливались в единое целое.

В XIX веке стала всецело преобладать политическая историография в духе классического историзма: владетельные князья Пфальца, Вюртемберга и Бадена становились предтечами национально-политических сил будущего. Возник своеобразный феномен локального патриотизма в рамках германской национальной идеи.

Историками был собран богатый фактический материал, но угол зрения оставался преимущественно национал-государственным и политическим. Знать, имперские князья не формировали проблему для историков именно как социальная группа, как носителей определенных ценностей, зависимых от традиционных имперских структур и институтов, поскольку в самой империи видели лишь несостоявшееся государство, тупиковый путь в развитии нации. Соответственно и князей мерили категориями будущего: их соответствиям государственному подвижничеству эпохи Бисмарка и второй империи.

В XX прослеживается влияние социальной истории и антропологии.

И все это ставит нас в еще более затруднительное положение, когда образ героя «прятался» за слоями литературы и подвергался обработке или критике согласно законам века историка, но никак не его собственного, семнадцатого столетия. Именно поэтому в работе большее внимание уделено источниковедческой части и данную главу целесообразно начать именно с разбора литературы, выявляя пробелы и недостатки.

Ко всему прочему следует добавить, что ни по кому из наших трех примеров нет обобщающих сравнительных компаративных исследований.

Пфальцские Виттельсбахи

По всему многочисленному и такому многообразному семейству Фридриха V действительно сложно было бы выпустить всеохватывающий труд. Исследователей, касалось бы, затрагивают темы богемской коронации и начала Тридцатилетней войны¹², общая жизнь в Пфальце до и особенно

¹² Brennan C. Pursell: The Winter King. Frederick V of the Palatinate and the Coming of the Thirty Years' War. Ashgate, Aldershot 2003

после войны, когда новый курфюрст Карл Людвиг вынужден был столкнуться с проблемой восстановления наследственных земель.

Выпускались отдельные биографии представителей семейства. Так отметим явное внимание к «зимнему королю» - Фридриху.¹³ Хотя упор в этих исследованиях делается о роли курфюрста в войне.¹⁴

Дети Фридриха так же попали в фокус исследователей, причем это лишь конкретные примеры. Те же взаимоотношения Карла Людвиг и Рупрехта исследованы не так подробно, как возможно было бы при имеющейся у нас базе источников.¹⁵

Отметим немецкую биографию Карла Людвиг авторства Карла Хаука «Карл Людвиг, курфюрст Пфальца (1617 – 1680)», вышедшую в 1903 году.¹⁶ Свое внимание заслужила младшая дочь Фридриха V – София, которая стала основательницей Ганноверской династии, правящей в Великобритании на протяжении всего XVIII века. Однако, как ни странно, это тоже немецкая работа, выпущенная относительно недавно по сравнению с предыдущим примером.¹⁷

Для англичан София все еще остается в тени своего сына Георга I, хотя, безусловно, фигурирует в его биографии.¹⁸

Еще одна сестра – старшая, Елизавета, так же удостоилась биографии. Её написала Элизабет Годфрей и издала в Лондоне и Нью-Йорке в 1909 году под

¹³ Findeisen J.P. Friedrich V. von der Pfalz // Findeisen J.-P. Der Dreißigjährige Krieg. Eine Epoche in Lebensbildern. Graz, Wien u.a., 1998. S. 78 – 83.

¹⁴ Der Winterkönig Friedrich von der Pfalz. Bayern und Europa im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges / Hrsg. von P. Wolf, M. Henker, E. Brockhoff, B. Steinherr, S. Lippold. Augsburg: Theiss, 2003. 376 s.

¹⁵ Bünz R. Kurfürst Karl Ludwig, Prinz Rupert und die Herren Leslie von Langenzell. Ein vergessenes Kapitel britisch-kurpfälzischer Beziehungen im 17. Jahrhundert // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins 159 (2011). S. 355 – 387.

¹⁶ Hauck K. Karl Ludwig, Kurfürst von der Pfalz (1617–1680). Breitkopf & Härtel, Leipzig 1903

¹⁷ Karin Feuerstein-Präßer: Sophie von Hannover (1630–1714). „Wenn es die Frau Kurfürstin nicht gäbe ...“. Pustet, Regensburg, 2004

¹⁸ Hatton, R. George I: Elector and King. London: Thames and Hudson. 1978

названием «Сестра принца Руперта, принцесса Елизавета Пфальцская и аббатиса Херфорда»¹⁹.

Годфрей вкладывает в эту биографию всё своё восхищение Елизаветой, но и даёт нам описание нидерландского двора, особенно той интеллектуальной атмосферы, которая царила при Оранских.

Конечно же, наиболее яркий и насыщенный в плане историографии пример третьего сына Фридриха V - Рупрехта. Человек мира, феномен, который затрагивал исследователей по обе стороны Ла-Манша.

Существует большое количество биографий и литературных очерков о жизни Рупрехта, написанные английскими и немецкими исследователями. Особенно богат ими XIX век, видимо, из-за огромной волны интереса к истории в то время. В частности для немецкой историографии весьма характерно увеличение числа исследований по Тридцатилетней войне и биографий ее участников из-за возросшего патриотизма. Но информация касательно раннего периода жизни Рупрехта в процентном отношении уступает гораздо более массивному блоку о пребывании Рупрехта на службе у английского короля и его последующей судьбе.

Мы имеем достаточно много, конечно же, немецких биографий Рупрехта. Альберт фон Тресков ещё в 1857 году написал «Жизнь принца Рупрехта Пфальцкого»²⁰ и издал её в Берлине.

Стоит отметить, что работа Трескова более подробна в отношении раннего периода, и мы находим последовательное описание действий Рупрехта, некоторые объяснения его мотивов и поступков, характеристику его взаимоотношений с окружающими. Работа Трескова настоящий военный панегирик, посвящённый баварскому королю и написанный в тенденции полугероизации прошлого. В целом это соответствовало духу примитивного

¹⁹ Godfrey E. A sister of Prince Rupert, Elizabeth princess palatine and abbess of Herford. L, NY.,1909.

²⁰ Treskow A. Leben des Prinzen Ruprecht von der Pfalz. B., 1857. (далее – Treskow)

историзма, напрямую связывавшего давно минувшие события с политическими задачами первой половины XIX века.

Затем появляется работа все того же Карла Хаука²¹, изданная в Гейдельберге в 1909 году – «Рупрехт кавалер, пфальцграф у Рейна (1619-1682)».

Однако безусловный минус обеих книг – отсутствие справочного материала. Тресков был профессиональным военным. Его все время интересовал лишь военный аспект в деятельности Рупрехта. Стоит вспомнить, что даже Энгельс ставил Рупрехта на одну доску с великими реформаторами военного дела в XVII веке, в том числе с Густавом Адольфом.

Из последних немецкоязычных биографий следует выделить монографию Роберта Ребича «Принц Рупрехт Пфальцкий (1619-1682): сын немецкого курфюрста на службе у Стюартов»²², так как она наиболее свежая и является научной в прямом смысле этого слова. Эта монография разработана в контексте социальной истории и выдержана в лучших традициях немецко-австрийской структурной истории.

Пожалуй, одна из основных биографий принца была написана англоязычной исследовательницей Евой Скотт и опубликована в Нью-Йорке в 1900 году под названием «Руперт Пфальцкий»²³. Руперт – английское прочтение имени Рупрехта.

Скотт сама отмечает, что, несмотря на доступный большой объем материала, довольно странным кажется отсутствие полноценного исторического исследования. Она ставит перед собой попытку не просто показать Рупрехта как военного человека или любителя искусства, но обрисовать полную картину его жизни, охарактеризовать принца и дать оценку его личности.

²¹ Hauck K. Rupprecht der Kavalier Pfalzgraf bei Rhein (1619-1682). Heidelberg, 1906. (далее – Hauck)

²² Rebitsch R. Rupert von der Pfalz (1619-1682): ein deutscher Fürstensohn im Dienst der Stuarts. Wien, 2005 (далее - Rebitsch.)

²³ Scott E. Rupert Prince of Palatine. NY., 1900. (далее – Scott.)

Основной упор, она, конечно, делает на пребывании Рупрехта в Англии и корпус документов, который так или иначе с этим связан, то есть те корпусы корреспонденции, речь о которых пойдет ниже.

В биографии появляются так же и иллюстрации – портреты Рупрехта разного возраста, его родственников и современников, которые были более тесно с ним связаны.

Скотт использует письма известных английских деятелей, другие биографии XIX века Рупрехта, Карла I Стюарта, корпус государственных английских документов.

В целом Скотт подробно и положительно описывает биографию принца. Ставя перед собой задачу только лишь проследить жизненный путь Рупрехта и показать многогранность его личности, Скотт упускает возможность поставить под вопрос как формировалась поведенческая модель принца в изгнании, какие были им избраны пути и методы социальной адаптации в среде европейского дворянства.

Еще одна английская биография Рупрехта - это небольшой очерк, который написал Лорд Рональд Гауэр Сазерлендский под полным названием «Руперт Пфальцский. Биографическая зарисовка жизни принца Руперта Пфальцкого, герцога Камберлендского и т.д.»²⁴ в 1890 году.

Это действительно лишь совсем краткое жизнеописание Рупрехта, но интересно оно другим. Лор Гауэр был скульптором, писателем и богемским аристократом, имея весьма фамильярные отношения с королевой Викторией. Именно этой высокопоставленной особе и посвятил свою книгу Гауэр, сравнивая себя с Бентли, который столетием назад преподнёс опубликованный им корпус писем Виттельсбахов Георгу III. Не следует ли сделать вывод, что самой королеве Виктории был интересен Рупрехт? С

²⁴ Gower R. Rupert of the Rhine. L., 1890. (далее – Gower.)

другой стороны Гауэр специально подчёркивал родословную связь Виктории и Рупрехта, возможно, чтобы просто показать значение своего труда.

К тому же лорд писал, что предыдущие работы о Рупрехте слишком тяжеловесны для понимания и прочтения. Он специально пишет как можно короче о Рупрехте, чтобы его современники смогли прочесть о таком человеке, которого можно бесспорно прославить наряду с Фридрихом Прусским. К сожалению, лорд вынужден был признать, что Рупрехт малоизвестен английским подданным. Так его друг ответил, что «всё, что он знает о Рупрехте, так это то, что он был сыном Карла I». Это, как мы понимаем, было абсурдом. Да и лишь поверхностные знания о том, что он был кавалером в гражданскую войну, характеризуют знания англичан.

Гауэр относился к Рупрехту с искренним уважением и восхищением, а его достижения в военном деле и искусстве, как он считал, могут быть интересны его бывшему покровителю, то есть королеве Виктории.

Еще один краткий биографический очерк можно прочесть в труде миссис Боас «Милтон и кавалеры»²⁵, выпущенном в 1905 году в Нью-Йорке. В целом книга посвящена обзору главных действующих лиц времен английской гражданской войны с обеих враждующих сторон. Глава, в которой частично говорится о жизненном пути принца Рупрехта, затрагивает интересный аспект, которым может быть интересен с точки зрения сословных отношений. А именно - миссис Боас сравнивает карьеры Рупрехта и генерала Горинга, с которым у принца была довольно активная переписка.

Современные английские исследователи продолжают линию биографий Рупрехта. Патрик Морроу обратился к истории принца и написал книгу «Принц Руперт Пфальцский»²⁶, в которой в несколько сжатой форме, но

²⁵ Boas F. With Milton and the Cavaliers.L.,1905.

²⁶ Morrah P. Prince Rupert of the Rhine.L.,1976. (далее – Morrah.)

довольно разносторонне и интересно пытается отобразить биографию Рупрехта. Она издана в Лондоне в 1976 году.

Так же в 1994 году Фрэнк Китсон в Лондоне выпускает свой труд «Принц Руперт. Портрет Солдата»²⁷, отображая, как и Хаук с Тресковым, Рупрехта, в первую очередь, военным человеком.

Чарльз Спенсер, брат известной принцессы Дианы, продолжил серию своих исторических книг и в 2007 году обратился к Рупрехту. Его книга называется «Принц Руперт. Последний кавалер»²⁸. Она не содержит много информации касательно раннего периода жизни Рупрехта, но Спенсер явно опирался на такие источники, как «Мемуары» Варбутона и биографию Трескова. К тому же он только описывает жизнь принца, а и проблематизирует материал, пытаясь сформулировать собственную точку зрения по ряду вопросов.

И все же все эти биографии лишь преподносят нам серию фактов, но не анализируют позицию Рупрехта в контексте миграции, сословной и конфессиональной идентичностей.

В целом немецкая и английская историографии отличаются собственными подходами. Немецкие историки девятнадцатого столетия писали в национальном духе. Мигрирующего принца воспринимали как человека оторванного более от Германии. Для англичан же принц всегда был если не своим, то человеком, стремившимся им стать. И в последнем подходе больше объективности и смысла. Однако разумнее было бы занять центральную позицию и говорить о том, что Рупрехт был дворянином и в этом смысле интернационалистом. По статусу же он всегда оставался владетельным немецким князем.

²⁷ Kitson F. Prince Rupert. Portrait of a Soldier. L.,1994.

²⁸ Spenser Ch. Prince Rupert. L.,2007. (далее – Spenser)

Маркграфы Баден-Дурлахские

Что касается маркграфов Баден-Дурлахских, то здесь количество литературы стремительно скудеет. Несмотря на это и в силу отсутствия доступных нам источников по данному примеру именно историография служит для нас значительным подспорьем в попытке реконструкции поведенческой модели маркграфов во время миграции.

Конечно, есть в какой-то степени общие работы, касающаяся самого факта миграции семейства. Однако это всего лишь периодика. Для начала статья, выпущенная в начале прошлого века Карлом Ротом в Базельском ежегоднике²⁹. Она не дает нам значительного материала по каким-то социальным особенностям пребывания старшего маркграфа в Базеле, а более факты и простую политическую историю династии.

Тому период, что провел маркграф в Страсбурге, посвящена статья Отто Винкельмана.³⁰ Именно она раскрывает настолько, насколько это возможно такие особые аспекты миграции маркграфа, как его отношения с родственниками, европейским дворянством, властями города и обустройство новой резиденции.

Из новых исследований привлекалась статья Михаэля Рота, опубликованная в Гейдельберге в сборнике под редактированием доктор наук, заведующей отделением истории раннего Нового времени Университета им. Рупрехта-Карла - Сьюзан Рихтер.³¹ Статья посвящена вопросам отречения маркграфа в пользу своего сына и тому, как это происходило, и как было воспринято в Империи.

²⁹ Roth, C. Der ehemalige Basler Besitz der Markgrafen von Baden // Basel Jahrbuch. Basel, 1912 (далее - Roth, C.)

³⁰ Winckelmann. Das Strassburger Drachenschlössl (далее – Winckelmann)

³¹ Roth. M. Die Abdankung Markgraf Georg Friedrichs von Baden-Durlach// . Die Abdankung im Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit. Ed. by S. Richter. Hg, 2010. (далее - Roth. M.)

Эбергард Вюртембергский

До сих пор слабо изучена проблема миграции Эбергарда Вюртембергского и его нахождение в Страсбурге, хотя этот период составляет лишь небольшую часть его биографии.

Большое значение придавалось политической истории герцогства. Так можно привести в пример «Историю герцогства Вюртемберга» Заттлера, выпущенную еще в восемнадцатом столетии.³² В ней, следуя традициям, Эбергард выступает изначально в образе не удачного правителя, который не смог в тяжелое время спасти свои земли и удержать титул, он пошел против Императора.

Для XIX века так же характерно упоминание Вюртемберга лишь в контексте политической и династической истории. Достаточно вспомнить две небольшие статьи во Всеобщей немецкой биографии, посвященной Иоганну Фридриху³³ и его сыну Эбергарду.³⁴ Однако они носят лишь поверхностный характер и представляют довольно устаревшие взгляды.

Единственными русскоязычными и в то же время недавними статьями об Эбергарде являются исследования профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора исторических наук Прокопьева Андрея Юрьевича.³⁵ Статьи основаны, в том числе, на неопубликованных

³² Sattler, C. F. Geschichte des Herzogthums Württemberg unter der Regierung der Herzogen. Frankfurt, 1764. 532 s. (далее – Sattler)

³³ Paul Friedrich von Stälin: Johann Friedrich, Herzog von Württemberg. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 14, Duncker & Humblot, Leipzig 1881

³⁴ Paul Friedrich von Stälin: Eberhard III., Herzog von Württemberg. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 5, Duncker & Humblot, Leipzig 1877, S.559–561.

³⁵ Прокопьев А.Ю. Поражение, бегство и реванш: Эбергард Вюртембергский в Тридцатилетней войне // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. (далее - Прокопьев А.Ю.)

материалах Штутгартского архива, которые так же привлекались в данной работе, и носят исключительно социо-культурный характер, что помогает реконструировать поведенческую модель герцога в эмиграции.

Таким образом, используемая литература представляет собой разнообразную базу, содержащую в себе труды, которые зависят от рассматриваемого спектра: биография, военная или политическая история. Однако с точки зрения социальной истории они не дают нам полного и всестороннего социально-политического исследования поведенческой модели немецкого дворянства в эмиграции и в контексте европейской истории XVII столетия.

Источники

Источниковедческая база весьма обширна, хотя и неравномерно охватывает избранные объекты исследования. Основной блок источников формирует частная и официальная корреспонденция интересующих нас персонажей, членов их семейств, представителей различных придворных служб, равно как корреспонденция адресатов. Дополнительно была привлечена документация придворных ведомств, дающая обильный материал по истории семьи «зимнего короля» в изгнании (Нидерланды), частично опубликованная. Равно как ведомственная документация двора герцога Эбергарда Вюртембергского, проливающая свет на организацию его повседневной жизни в дни его пребывания в Страсбурге в 1634 – 1638 годах.³⁶ Здесь нам оказались доступны, в частности, неопубликованные документы из главного государственного архива Штутгарта. Наконец, третьим блоком выступает мемуаристика, в большом объеме представленная семейным кругом пфальцских Виттельсбахов. В меньшей мере оказались привлечены источники, касающиеся маркграфа Георга Фридриха Баден-Дурлахского и его семьи в период династического кризиса и опалы 1621 - 1638 годов. Во многом это объясняется тем, что баденские архивы (в данное время фонды

³⁶ Главный государственный архив Штутгарта (далее: HStAS) G 87 Bū 11

Государственного архива в Карлсруэ), в частности, домашний архив княжеской семьи, охватывающий годы Тридцатилетней войны, остаются неизданными до сих пор. Здесь приходилось использовать фактический материал из вторичной литературы, документы или выдержки из них в уже изданных исследованиях.

Виттельсбахи

Первые опыты научного собирательства и издания писем, в том числе, и семьи Виттельсбахов датированы XVIII-XIX веками. Частично на основе их были написаны все последующие крупные биографии Рупрехта.

К числу основополагающего корпуса писем следует отнести известную «Коллекцию подлинных королевских писем»³⁷, изданную Бромли в 1787 году в Лондоне и переданную ему потомками принца, в частности его внебрачной дочерью Рупертой. Здесь мы «видим» руку Карла Людвига, Рупрехта, вдовствующей Елизаветы и самого Фридриха. Это наиболее важный источник для изучения внутрисемейных отношений в период их вынужденной эмиграции.

Так же мы имеем «Мемуары принца Руперта, и кавалеры», публикатором которых стал Элиот Варбутон в 1849 году³⁸. Эти «Мемуары» стали его первой значительной работой и написаны с явным интересом к объекту исследования.

«Мемуары» состоят из трёх томов и в основном посвящены деятельности Рупрехта в английской гражданской войне. Само название весьма условно, т.к. под «мемуарами» издатель имел в виду весьма разнообразный массив документов. Варбутон привлёк оставшиеся дневники и журналы принца, массивный фонд корреспонденции Рупрехта и многих видных деятелей,

³⁷Bromley G. A collection of original royal letters. L.,1787. (далее – Bromley.)

³⁸Warburton E. Memoirs of Prince Rupert, and the Cavaliers. L.,1849. (далее – Warburton.)

современников принца, которые так или иначе были с ним связаны. Этот источник оказался особенно полезным при реконструкции социальных связей и контактом Рупрехта, определению его места в оценке близких и дальних родственников, сослуживцев, людей его клиентелы и покровителей, иными словами, целого комплекса аспектов, позволяющих выстроить модель его сословной идентичности.

Другими важными источниками для нас являются мемуары дочерей Фридриха. Начнем со страшной – Елизаветы. Мемуары Елизаветы под полным названием «Мемуары пфальцской принцессы Богемии, включая ее корреспонденцию с великими людьми ее дней, и воспоминания нидерландского двора при принцах Оранских»³⁹. Они изданы в Лондоне в 1853 году Ричардом Бентли, однако первоначально этот источник разрабатывала баронесса Мари Бла де Бюри, которая жила в Париже в XIX веке и описала немецкие дворы своего времени, путешествие в Австрию и Венгрию. Так же ей принадлежат труды о Мольере и парижской жизни. Баронесса испытывали, несомненно, уважение и восхищение к принцессе, судя по посвящению графине Вестморландской. Баронесса задействовала корпус письменных документов, воспоминания и переписку.

Елизавета была старше Рупрехта на год, а он пережил её всего на два. Девушка была перевезена из Берлина в Лейден к остальным братьям и была очень дружна с Рупрехтом, в дальнейшем её знали в Европе как женщину образованную и рассудительную. Елизавета вела переписку с Декартом и видными женщинами своего времени.

Этот источник применительно к изучаемому предмету даёт нам информацию касательно жизни при дворе Оранских в Нидерландах, некоторые подробности из детства и воспитания детей в семье курфюрста и положение семьи при дворе в принципе. Особенно ценным представляются воспоминания членов Оранской династии (в частности штатгальтера

³⁹Bentley R. Memoirs of the Princess Palatine princess of Bohemia. L., 1853. (далее - Bentley.)

Фредерика-Генриха) и характеристика их отношений с пфальцскими изгнанниками, которая даётся в источнике.

Ещё одни мемуары принадлежат младшей сестре Рупрехта, Софии, но из них были взяты лишь некоторые выдержки, которые представлены в работе Евы Скотт, о которой говорилось в предыдущем параграфе. Так как София родилась лишь в 1630 году, для нас из всех этих бесспорно богатых воспоминаний важны лишь подробности воспитания детей и атмосфера в семье, то, какие отношения существовали между членами семьи. К слову, сами мемуары были опубликованы сравнительно недавно, в Англии в 2011 году. Само название подтверждает, как именно относятся к Софии современные британские исследователи - «София Ганноверская: от зимней принцессы до наследницы Великобритании, 1630-1714».⁴⁰ Они отдают должное ее происхождению, но подчеркивают важность роли Софии для Великобритании.

Однако более важным представляется корпус корреспонденции, принадлежавший принцессе Софии, так же включающий в себя переписку с Карлом Людвигом - старшим братом Рупрехта. Данные письма опубликованы в «Письмах курфюрстины Софии Ганноверской к курфюрсту и курфюрстине Пфальцским»⁴¹ Эдвардом Бодеманном в Лейпциге в 1888 году. Эти письма так же оказались полезными для восстановления семейных отношений, однако уже на период более поздний и послевоенный.

Среди остальных источников стоит выделить письма наставника маленьких принцев Иоганна Штерна. Это были своеобразные отчёты для отца – Фридриха Пфальцкого, о жизни принцев и принцесс в Лейдене и Гааге с 1631 по 1633 годы. Опубликованы эти письма были Фридрихом Шмидтом в

⁴⁰ Duggan J. N. Sophia of Hanover: From Winter Princess to Heiress of Great Britain, 1630–1714. Paperback – Print, 2011

⁴¹ Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Kurfürstinnen und Kurfürsten zu Pfälz.. E. Bodermann. Leipzig, 1888. (далее - Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover.)

19 томе серии *Monumenta Germaniae paedagogica*⁴², которая выходила в Берлине в конце XIX века.

Довольно интересным представляется небольшая работа Гардинера, известного своей увлеченностью испаноязычными источниками семнадцатого столетия. Так, изучив уже историю несостоявшегося испанского брака принца Карла 1625 года, Гардинер в 1902 году издал некоторое количество писем португальского секретаря, касающихся пребывания Рупрехта в Португалии в 1649-1650 годах. Это издание носит название «Принц Руперт в Лиссабоне»⁴³. Данный источник так же оказался полезным при реконструкции социальных связей и позиций Рупрехта в структурах европейской знати в первые послевоенные годы.

Частично привлечен нидерландский архивный материал, который касается начала Тридцатилетней войны. Так штатгальтер поручал своим тайным агентам в разных европейских странах следить за политической обстановкой в 1618-1619 годах, в том числе и в Праге, где в это время находились Виттельсбахи. Эти письма входят в специальный корпус корреспонденции штатгальтера Нидерландов Морица Нассау-Оранского фамильного архива Оранских и на данный момент находятся в Национальном архиве Нидерландов (*Nationaal Archief, Den Haag*).

Кроме того использовался латиноязычный источник, который представляет из себя каталог всех студентов Лейденского университета, имматрикулированных с 1575 (момента основания) по 1875 года.⁴⁴ Несмотря на то, что имеется печатный вариант «Альбома», был использован так же и рукописный список. Оба варианта находятся в библиотеке Лейденского

⁴² *Berichte des Johann Heinriche Stern über das Leben der Prinzen und Prinzessinnen in Leiden und Haag. 1631-1633. // Schmidt F. Geschichte der Erziehung der pfälzischen Wittelsbacher. B., 1899. S.324-328 (далее - Berichte des Johann Heinriche Stern.)*

⁴³ *Gardiner S. Prince Rupert at Lisbon. L., 1902. (далее – Gardiner.)*

⁴⁴ *Album studiosorum Academiae lugduno batavae MDLXXV-MDCCCLXXV; accedunt nomina curatorum et professorum per eadem secula. Hagae, 1875.*

университета (Universiteit Leiden). Указанные списки позволяют нам реконструировать степень интеграции детей немецких бюргерских и дворянских семейств из Пфальца в мир европейского протестантского наставничества и проливают свет на динамику образовательных «туров» после начала Тридцатилетней войны.

Эбергард Вюртембергский

Основным источником по данному примеру послужил корпус переписки Эбергарда со своей матерью Барбарой Софией, приходящейся на период 1633-1634 годов, то есть самое начало вынужденной эмиграции герцога и его семьи в Страсбург. Документы входят в состав семейного архива герцогов Вюртембергских и сейчас составляют часть фондов главного государственного архива Штутгарта (Hauptstaatsarchiv Stuttgart). Документы представлены двумя стандартными типами: концептами (черновиками) и канцелярскими «чистовиками», в окончательной редакции отправлявшимися непосредственно адресату.

Корреспонденция матери и сына помогает не только раскрыть характер семейных отношений в период острейшего политического и социального кризиса, но и отражают различные аспекты поведенческой модели в условиях бегства и эмиграции.

Глава 2. Имперская знать и дворянство в политической структуре XVII века

Для начала обратимся к социальным структурам имперской знати кануна войны, к той роли, которую она играла в жизни Старой империи.

Социальные структуры

К началу XVII века имперская знать давно уже оформилась в виде иерархической пирамиды, вершину которой венчал сам император. На протяжении веков шло формирование отдельных ступней этой пирамиды. Последней и из них стала фракция имперского рыцарства, образовавшегося в результате систематического вмешательства имперской власти в южнонемецкие владетельные ландшафты во второй половине XVI века в южнонемецких землях. К 1618 году мы видим массивную трехступенчатую пирамиду иерархии: имперские князья, имперские графы, бароны и рыцари. Общее число благородных ленников империи не превышало 1,5 – 2 % всего населения и речь шла о нескольких сотнях семейств, состоявших в тесном родстве друг с другом. Характерной чертой именно германской знати всегда оставались её ведущие позиции в общественной жизни и, особенно, в представительных структурах: сословные ассамблеи империи возникли и развивались в первую очередь как представительство знати, главным образом титулованных имперских князей.

Еще на рубеже XV – XVI веков произошла попытка реформирования системы управлений. Так территория империи разделилась на округа, был создан высший имперский суд, а каждый год созывался рейхстаг. Запрещалось использовать военную силу при разрешении конфликтов между субъектами империи. Однако незавершенность данных реформ и последовавшая Реформация заложили основы для будущей нестабильности системы. Вследствие конфессионального раскола произошел подрыв религиозной основы единства империи, еще больше ослабив императорскую власть.⁴⁵

В XVI веке наметился конфессиональный разрыв земель, даже если дело касалось одного лагеря. Хотя это еще позволяло императору удерживать свою

⁴⁵ Родионов М., Волкова Т. Западноевропейские политические элиты: от Священной Римской империи до Евросоюза // Социально-гуманитарные знания. Вып. 3. 2015. С.111- 124

власть, он умело маневрировал между разными уровнями дворянского сословия. Ведь конфессиональная эпоха не только лишь противостояние императора с курфюрстами и герцогами. Рассмотрим для примера ту ситуацию, в которой оказались графы и рыцари.

Традиционные имперские политические соображения для императора оставались важнее, чем интеллектуальное притяжение нового символа веры. Лютеранское исповедание открывало для графов дополнительные возможности в службе Империи - особенно для императорской армии.⁴⁶

Водораздел между лютеранами и кальвинистами уже имел место быть.

Возникал вопрос, хватит ли репутации кальвинистского гейдельбергского двора стать решающим противовесом еще задолго до войны, как раз во время ослабления оппозиции во второй половине XVI столетия? Без сомнения, он оказал значительное влияние на некоторые имперские графства. Следует упомянуть, например, о графе Иоганне Казимире Левенштайнского (1588-1622), который находился в ближайшем окружении курфюрста Фридриха V и по примеру своего господина выбравшего жену из английской знати.⁴⁷

Канун войны

Нельзя недооценивать конфессиональный распад. Он разрезал вековые связи, такие браки, как между Фюстенбергами и Солмсами, которые продолжались до вырождения потомства. В течение двух поколений распалась сеть отношений, связывающих княжества сильнее, чем рыцарский орден. Процесс, который без сомнения ослабил страну. Возможно, что для общества, которое целиком полагается на семейные союзы, разделение графств само по себе являлось причиной для Тридцатилетней войны.

⁴⁶ Press V. Adel im Alten Reich. Tübingen, 1998. S. 122

⁴⁷ Ibid. S. 123

Графства обеспокоились предстоящей угрозой войны, ведь они играли важную роль в планах обеих лидирующих сторон.⁴⁸

В любом случае, к войне графы готовились с большой осторожностью. Даже если бы они не сторонились рыцарских орденов, они всегда старались избежать разрыва с императором. В 1615 году после неудачного сбора налогов императором в 1613 году не только католики-швабы, но и протестанты-веттерау вызвали императора на отдельные налоговые переговоры ради выгодного для себя соглашения. Те подданные, которые могли взять на себя налоговую оплату, в свою очередь олицетворяли и представляли авторитарную имперскую власть.⁴⁹

В 1610-х годах произошли значительные перемены в раскладе политических сил империи, речь о которых пойдет ниже. Основным итогом сводится к тому, что к 1619 году политическая система была разрушена имперской аристократией. И в прочем это послужило императору только на пользу. Характерным примером здесь может выступить Швабия, некоторые рыцарские кантоны которой, заключили союз с евангелистами. Однако другие продолжали сохранять нейтралитет или поклялись верности императору. Еще не раз тесная взаимосвязь императора со швабскими рыцарскими кантонами оказалась крайне ценной для первого.

Конфессиональная поляризация в рамках имперского рыцарства в то же время, по крайней мере, сделала программу евангелической аристократии, которая до сих пор не была открыто сформулирована, более конкретной. Очевидно, что даже протестантские рыцари в духовных основателях видели основную поддержку своей политической позиции. Таким образом, их цель заключалась в проведении секуляризации и сохранении статуса основателей дворянских корпораций.⁵⁰

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid. S. 224

Вернемся к отношениям уровня император - высшая аристократия.

В начале XVII века функции суда были разделены и отданы одновременно рейхстагу и имперскому совету. Но авторитет императора в условиях династического кризиса стремительно падал. Большую роль стали играть региональные силы, в первую очередь курфюрсты, среди которых особенно большую деятельность развернул архиепископ Майнцский.⁵¹ В совете началось противостояние между католиками и протестантами, которое пока еще выигрывали католики. Однако жесткий контроль императора был уже невозможен.

Оставалась надежда на рейхстаг как единственный исправно-действующий орган управления, но и здесь возникли свои сложности.

Если до этого консолидирующим фактором оставалась турецкая угроза, то рейхстаг 1608 года в Регенсбурге явственно показал разлад между протестантским и католическим лагерем. В частности он выражался в традиционном противостоянии двух ветвей Виттельсбахов: Пфальц и Бавария. Рейхстаг был распущен, так как пфальцские представители покинули город. Забегая вперед, отметим, что последняя попытка императора созвать рейхстаг в 1613 году не увенчалась успехом.

Кризис с высокого имперского уровня перешел на низкий - территориальный. Все больше значения приобретают князья нового, «радикального» поколения⁵². Если Саксония еще стремилась соблюсти мир и нейтралитет, то вслед за Пфальцем, который влиял на западные окраины империи, потянулся и северный Бранденбург.

Баварский же курфюрст Максимилиан I нашел сторонника в лице Фердинанда Штирийского. Католический лагерь воплощал уже

⁵¹ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола (1555-1648). Санкт-Петербург, 2002. С. 257. (далее – Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола)

⁵² Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола С. 259

оформившийся продукт тридентского католицизма, стремившийся к реституции духовных владений, отнятых протестантами после 1555 года.⁵³

В скором времени не заставили себя ждать новые альтернативные структуры. В 1608 году собирается протестантская уния под руководством Пфальца и в 1609 году – Католическая Лига по инициативе Баварии. Так возникает поляризация религиозно-политических сил.

Эскалация конфликта откладывалась в силу внутренних противоречий в обеих структурах. Унию тревожили борьба за лидерство и финансовые вопросы. В то же время в Лиге возросло влияние Габсбургов, несмотря на то, что основателем Лиги все еще считался баварский герцог.

Тем самым накануне войны мы видим серьезный раскол среди княжеской элиты по религиозным и политическим причинам. Все это усугублялось внутренними конфликтами, в частности среди протестантского мира росло напряжение между лютеранами и кальвинистами.

В целом произошел опасный сдвиг верхушки имперских князей. Среди трех ведущих Домов Империи пфальцская линия Виттельсбахов и младшая штирийская линия Габсбургов демонстрировали все черты религиозно-политического радикализма, нарушая полувековой баланс в единой княжеской семье Империи.⁵⁴

Еще одним тревожным маркером кануна войны стала «интернационализация» имперской политики.⁵⁵ Из-за нестабильности внутренних институтов Империя стала своего рода достоянием общеевропейских интересов.

Тридцатилетняя война

⁵³ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола С. 264

⁵⁴ Там же. С. 267

⁵⁵ Там же.

В первую очередь война затронула не столько крупные земельные владения, а сколько мелкие рыцарские хозяйства, которым пришлось выбирать сторону и своего рода защиту.

Протестантская аристократия не слишком громко распространялась о своих целях. Политика нейтралитета казалась явно успешной, поскольку имперские войска быстро проникали на территорию имперского рыцарства. Кроме того, католическая часть швабиан поначалу пыталась использовать свои хорошие отношения с императором, ради своих протестантских коллег. Но император не пожелал воспользоваться представившейся ему возможностью. Как правитель южной Германии, он не видел смысла делать что-то ради потенциальных сторонников, которых было не так много.

Имперские и баварские войска без особых усилий переместились в экономически богатые рыцарские кантоны. Кроме того, дальнейшие тенденции реформирования не слишком удовлетворяли протестантскую имперскую аристократию. В Пфальце, например, новые баварские хозяева возобновили прежнюю политику против лютеранской знати, также как когда-то кальвинисты.

До 1630-х годов вышестоящие рыцарские ордена все еще находились в работоспособном состоянии. Общая перепись и крейгстаг все активнее защищались от военного и экономического давления. У императора появилась поддержка.

И неудивительно. Престиж императора, особенно в протестантских частях аристократии, сильно снизился.⁵⁶

Когда, в 1632 году шведы стали мощной противодействующей силой южной германии, протестантское имперское дворянство всем скопом перешло на их сторону. И это была не просто реакция на имперскую беспощадную политику. Шведы, в свою очередь, просто пытались сделать ее лучше. Можно

⁵⁶ Press V. S. 225

справедливо назвать шведского риксканцлера Акселя Оксеншерна одним из тех политиков, которые воспринимали действия политических сил в империи цельной политической системой.

В дальнейшем протестантское рыцарство составило значительную часть Гейльброннской лиги.⁵⁷

Еще в преддверии войны и уже в течение нее участилась практика курфюршеских съездов, поощряемая в свою очередь императором. Съезды пришли на смену рейхстага, но в свою очередь приводили к олигархизации Империи и самой войны.⁵⁸ Теперь многое зависело от владетельных домов: в каком политическом блоке они выступят и как поступят дальше.

Из таких важных военно-политических блоков Тридцатилетней войны стоит отметить Гейльброннскую лигу, образованную в 1633 году⁵⁹. Примечательно, что среди организаторов в первых рядах стоял Бернгард Саксен-Веймарский. Он составил федеральный закон Гейльбронна (Heilbronner Bundesakte). Эта конфедерация пообещала защищать свои права и своих потомков, и юридически обеспечить данное обещание в будущем мире. Позже Бернгард заключил отдельный союз со Швецией, который обязал его прислать 2500-сильный контингент для заполнения квоты.⁶⁰

Эта лига стала своего рода преемником Евангелической унии, однако отличалась большим радикализмом и ее действия могли привести к распаду старой сословной иерархии. Эта позиция была обусловлена наличием в ее рядах шведских сторонников, однако к счастью Империи центроориентированные силы в лице умеренных Саксонии и Гессен-

⁵⁷ Ibid. S.225

⁵⁸ Ibid. S.292

⁵⁹ Литература по теме: Langer H. Der Heilbronner Bund (1633–35). In: Volker Press/Dieter Stievermann (Hrsg.): Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit? Oldenbourg, München 1995, S. 113–122

⁶⁰ Querengässer A. Bernhard von Sachsen-Weimar und das Herzogtum Franken – Versuch einer Herrschaftsbildung? //Die Ernestiner: Politik, Kultur und gesellschaftlicher Wandel. 2016. S. 149

Дармштадта устояли. Можно даже говорить о таком явлении, как имперский патриотизм.⁶¹

Единение и консолидация в Империи наступили в 1635 году. Пражский мир предусматривал роспуск и Гейльброннской лиги, и католической. В то же время шведы потеряли прежних сторонников, ведь имперская политика теперь обратила все объединенные силы против них.

Активное участие Франции в войне, безусловно, так же приветствовалось. С миром в Праге поток оказался направлен против действия внешних, иностранных сил в империи, что сделало ее театром военных действий. Это же стало настоящим предупреждением внутренним политическим противникам.⁶²

Отметим так же, что лютеране начали возвращать свои привилегии, они становились практически равноправными католикам. И для части эмигрантов это был шанс вернуться с Империей. Одновременно с этим Пражский мир не распространялся на кальвинистов.

Вновь на политической арене Империи выступили три дома: саксонские Веттины, баварские Виттельсбахи и австрийские Габсбурги. Возобновились съезды курфюрстов и восстанавливались важные имперские учреждения.⁶³

Возобновление работы рейхстага было вызвано кризисом пражской системы в конце 1630-х годов. Одним из факторов кризиса стала смена поколений среди князей Империи, а показательным примером распада системы – выход из нее Бранденбурга в 1640 году.

В тот же год новый император Фердинанд III впервые с 1613 года созвал новый рейхстаг, и тот заседал более года. Новый император понимал, что

⁶¹ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. С. 301

⁶² Schmidt G. «Absolutes Dominat» oder «deutsche Freiheit». Der Kampf um die Reichsverfassung zwischen Prager und Westfälischem Frieden // Widerstandsrecht in der frühen Neuzeit. Erträge und Perspektiven der Forschung im deutsch-britischen Vergleich. (Zeitschrift für historische Forschung, Beiheft 26). Berlin, 2001. S. 278

⁶³ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. С. 304

временный мир может прекратить военные действия, но никак не способствует устойчивой консолидации и полного взаимопонимания среди высшей знати.

Как известно, конец Тридцатилетней войны увенчали Мюнстерские и оснабрюкские договоры 1648 года. И если в Мюнстерском тексте говорилось «преимущественно об урегулировании отношений с Францией, в Оснабрюке - со Швецией и имперскими условиями, поэтому для последующей истории Империи оснабрюкские статьи имели гораздо большее значение, нежели мюнстерский договор». ⁶⁴

Для нас важен тот момент, что 1648 год это торжество баварских Виттельсбахов над пфальцскими соседями. Они не только получали Верхний Пфальц, но и Максимилиан Баварский, став курфюрстом, занял место в коллегии выборщиков. Исконное число семь переросло в восемь. Пфальц же лишь номинально оставался курфюршеством, а фактически понес большие территориальные потери и снижение степени влияния.

Восстанавливались в своих правах опальные князья южной и северной Германии.

После 1648 года предусматривалась практика перехода в другую веру кого-либо из подданных имперского чина. Тогда за ними оставалось право на эмиграцию, но и князь мог настаивать на удалении данного лица с подвластной территории. ⁶⁵

После войны

⁶⁴ Там же. С. 316

⁶⁵ Там же. С. 320

Однако не только Гейдельберг потерял свое влияние. Веттинов стали теснить Гогенцоллерны, а к концу века треугольник превращался в четырехугольник с участием Берлина.

Что же касается низшего дворянства, то оно удержало свои социальные позиции. Имперское рыцарство, несмотря на то, Эльзас отошел Франции, продолжало сохранять свое положение между интересами императора и крупными династическими соседями.

Протестантское дворянство торжествовало при княжеских дворах и активно проникая во все сферы правительственных и военных структур. Равно как и католическое дворянство соперничало с бюргерством при дворах и использовало реставрацию церковных учреждений.

В конце концов, возвращение к *status quo ante* (довоенному положению) было также на руку имперскому рыцарству. Однако, конечно же, это не означало, что все стало точно так же, как и было до войны. Пример имперского рыцарства показал, что мир, в основном, стал внешним результатом полной реставрации. Благодаря Вестфальскому миру были созданы католические благотворительные организации южной Германии; рухнула мечта протестантской знати, подорванная указом о реституции. Раскол между церковными синекуриями и протестантской конфессией был неминуем: главной причиной послужил массовый уход к старой церкви имперских рыцарей. С тех пор очевидное католическое влияние было замечено, например, среди франкской имперской знати, которая столь решительно поддалась культуре барокко и среди окружающей ее аристократии. В Швабии же не было такого сильного течения старой церкви, как среди франкского дворянства. Они даже наоборот создали мощный противовес Вюртембергу и Пфальцу.⁶⁶

Однако после 1648 года отношения с императором ухудшались. В глазах большинства рыцарей у Габсбургов в Мюнстере и Оснабруке на первом

⁶⁶ Press V. S.229

месте стояли личные цели, а католическая политика - только на втором. Учитывая предыдущий опыт, это явно был не лучший путь восстановления прежнего доверия императора.

После неудачной попытки в 1650-х годах превратить Майнц в консервацию имперского рыцарства, снова была продемонстрирована незаменимость императора для самой организации имперских рыцарей. Были и дальнейшие попытки, стремившиеся ввести новые формы правления без императора, но одновременно многим не удавалось скрыть желание некоторых рыцарей вернуть старые имперские времена. Но невозможно восстановить политическую систему 1618 года и одновременно вырвать из нее ключевую нейтральную фигуру - императора.⁶⁷

Несмотря на разрушения войны, поместное хозяйство не было уничтожено и не претерпело значительных изменений. Специфической чертой послевоенного хозяйственного уклада считается стремление тем традиционным моделям, которые уже оформились в начале семнадцатого века.⁶⁸

Тем не менее, конец столетия показал, что не все имперские территории выдержали его бурного натиска. Сельскохозяйственная депрессия конца века, очевидно, плохо сказалась на большинстве территорий графства. Росли задолжности по процентам, возникала необходимость в повышении бюрократии, военных модернизациях. С другой стороны барокко, все более популяризировавшееся в придворных одеяниях, все чаще пускало и без того мизерные средства имперских графств на воздух. Это привело к показательным проявлениям кризиса, сопровождавшим сохранение государственности на небольшом пространстве. К 1700 году было совершенно ясно, что графство проигрывало в территориальной гонке большим землевладельцам. Кроме того, как это ни парадоксально,

⁶⁷ Ibid. S. 230

⁶⁸ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. С. 351

«территориальная консолидация и политическое восстановление в условиях мира в Вестфалии значительно уменьшили политическое значение этих пунктов». ⁶⁹

Княжеский же двор выступал в качестве патрона, обеспечивая социальный контроль. Он репрезентировал свое величие как ближайший правительственный орган управления. Рос придворный штат, который буквально оккупирует мелкое дворянство, найдя себе новую службу.

В историографии даже выделяется понятие эпоха дворов для семнадцатого столетия.⁷⁰ Немецкий двор сохранял патриархальные черты, когда тот становился неотъемлемой частью семейного и домашнего пространства.

В целом князья и сословия в послевоенный период пришли к стабилизации отношений, и здесь тоже решительных изменений не произошло.

Главное же, к чему привела Тридцатилетняя война, это стремление к консолидации на всех уровнях и дальнейшее развитие национального самосознания. Последнее, правда, присутствовало лишь на уровне элит в интеллектуальной среде.

Внутри Империя сохранила свою двухуровневую систему: региональный и общеимперский. В Европе же она лишилась ведущей роли, утратив к XVIII веку возможности осуществления экспансии и ведения наступательных войн. В то же время Священная Римская империя обеспечивала баланс сил между германскими государствами, препятствовала поглощению их более крупными государствами.

Глава 3. Кризис войны и миграция

Тридцатилетняя война стала настоящим испытанием для европейского общества, затронув все его сферы. Начавшаяся с восстания сословий в Праге в 1618 году и закончившаяся подписанием Вестфальского мирного договора в

⁶⁹ Press V. S. 129

⁷⁰ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. С. 357

1648 году, серьезно изменив границы целого ряда европейских государств, война показала возможности и границы в трансформации прежних общественных устоев и традиций. В немыслимый по размаху конфликт оказалось вовлечено огромное множество людей, целые социальные группы. Конфликт вызвал появление новых государственных субъектов и, наконец, торжество политических интересов над религиозными.

К началу XVII века можно говорить о первом росте национального самосознания в таких странах, как Англия, Германия, Франция, Испания, конечно, очень специфического и сильно замешанного на династической идентичности. В литературе и в общественном дискурсе элиты существовала скорее верность к «родине» как большой надрегиональной категории в античном, ренесансно-гуманистическом смысле «*patria propterea*». И в то же время всё ещё были сильны чувства привязанности к сюзерену, правящей династии, сословно-династические структуры глубоко пронизывали европейское общество на политической арене континентальной Европы, где доминировали Бурбоны и Габсбурги. Родина и общественная иерархия все еще тесно переплетались друг с другом.

И в XVII веке взорвался клубок противоречий, подпитываемый политическими, религиозными и экономическими разногласиями. Тридцатилетняя война стала ключевым этапом конфессиональной эпохи и одновременно с этим столкновением ведущих монархий, замешанным на династических интересах. Сословно-династические интересы остро переплетались с религиозными, прежде всего в землях Священной римской империи. Восстание сословий в Богемии очень хорошо отразило всю «многоукладность» конфликтного потенциала.

Война как никогда привела в движение и заставила покинуть насиженные гнезда огромные массы населения Империи, в том числе знать. До этого момента в позднем средневековье, ни в годы гуситских смут, ни позже в эпоху религиозных конфликтах XVI века мы не видим столь массового

вынужденного и добровольного перемещения тысяч представителей самых именитых семейств Империи.

Вестфальский мир очень хорошо показывал размеры миграций: речь шла о реституции 10 000 номинантов, принадлежавших к низшему и высшему дворянству Империи. Яркими признаками кризиса стал ряд опал, которым подверглись многочисленные владетельные семьи уже с первых лет войны. В 1620 году территорию Священной Римской империи покидает семья пфальцского курфюрста и новоявленного чешского короля. Следующие на очереди стали герцоги Мекленбургские. В 1630-х годах ищут спасение в бегстве семьи герцогов Вюртембергских и многочисленных родов южной и юго-западной Германии. Что же касается опальных мелких графских и рыцарских семей (пример Петра Эрнста II фон Мансфельда здесь показателен), то счет здесь шел на сотни. Пожалуй, впервые со времен средневековья корона столь серьезно демонстрировала желание «почистить» ряды своих вассалов⁷¹.

Мы не всегда можем подробно изучить каждый случай вынужденного бегства поведения в силу отсутствия достаточной источниковедческой базы. Однако в целом модель поведения немецкого дворянина за рубежом следует проследить на крупных и в чем-то характерных примерах.

Хронология и динамика миграционных потоков

Хронология миграционных потоков соответствовала факторам, предопределявшим импульсы к передвижению. Они вытекли из ленно-правового инструментария короны и религиозной политики Габсбургов. Восстание в Богемии с самого начала рассматривалось в Вене актом мятежа и клятвopеступления против прав и чести коронованного в 1617 г. нового

⁷¹ Прокопьев А.Ю. Поражение, бегство и реванш: Эбергард Вюртембергский в Тридцатилетней войне // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 410

короля Богемии Фердинанда. С 1619 г. после своей интронизации в качестве законно избранного императора и, несмотря на осторожное вмешательство со стороны крупнейших кронных вассалов в лице курфюрстов-протестантов и католиков, занимавших относительно умеренные позиции, Фердинанд II на вполне законных с точки зрения имперского права основаниях запустил механизм объявления имперской опалы. Она была последовательно наложена не только на непосредственных подданных чешской короны, замешанных в мятеже, но и на тех имперских князей, которые осмелились публично поддержать дело восставших. Избрание в том же году на вакантный, как считали мятежники, чешский престол пфальцского курфюрста Фридриха V и вмешательство в войну на стороне Директории членов Евангелической унии, позволило Фердинанду резко расширить круг опальных представителей знати. В полной мере это проявилось уже после победы имперского оружия в битве на Белой горе в ноябре 1620 г. Спустя два месяца в январе 1621 г. была объявлена публичная опала над курфюрстом Пфальца. Почти одновременно в опалу попали вассалы курфюрста и те имперские князья из числа сторонников и членов Унии, которые выступили на стороне протестантов в военном отношении. Среди них оказались представители нижнесаксонских Вельфов в лице Христиана, протестантского администратора епископства Гальберштадт, а так же маркграф Баден-Дурлахский Георг Фридрих, титулованный отпрыск тюрингской графской семьи Петер Эрнст Мансфельд, представитель Дома Гогенцоллернов (силезская ветвь) маркграф Егерсдорфский и некоторые другие.

Имперская опала, впрочем, формировала лишь одну группу изгоев. Другая, гораздо более многочисленная, складывалась из числа репрессированных по конфессиональному признаку. Масштабная Контрреформация, развернувшаяся в наследственных землях чешской короны после Белой горы, стала здесь главным инструментом Империи и привела к вынужденной конфессиональной эмиграции. Исповедание кальвинизма было запрещено в Богемии в 1620 году, лютеранства в 1621 году. Дворяне, не желавшие менять

веру, обязаны были оставить свои родовые гнезда и покинуть Богемию.⁷² С правовой точки зрения, решения Вены формально соответствовали статьям Аугсбургского религиозного мира 1555 года, но последствия были огромны: по подсчетам историков до середины 20-ых гг. в изгнание отправилось порядка 600 семейств Богемии.

Так хронологически мы можем выделить первую важную фазу: она охватывает 1619 – 1627 гг. Крайней датой здесь будет выступать издание «Нового земского уложения», закрепившего для Габсбургов изменившейся расклад конфессиональных сил. Внутренняя структура и динамика формирования «эмигрантского эшелона» характеризуется своеобразным поэтапным ростом. Если первоначально эмиграцию формировала довольно узкая группа имперских князей во главе с Фридрихом Пфальцским, то позже она охватывала самые широкие слои низшей знати в пределах земель чешской короны и земель, подвергнутых опале: Верхний и Нижний Пфальц. Эти преимущественно кальвинистские дворянские семьи также вынуждены были искать спасение в бегстве. Вектор миграции словно исходит «сверху», со стороны княжеской элиты. Этим двум элементам внутренней структуры соответствуют и две фазы военно-политических событий: сперва борьба за Пфальц, затем репрессии по отношению к побежденным. Более того, можно говорить даже о своеобразной «смене» элит в Богемии. Место изгнанных заняли иностранцы на службе Габсбургов – итальянские, испанские, южнонемецкие католические семьи (Марадасы, Лихтенштейны и многие другие).

Возникновение второй волны хронологически следует связывать с датским периодом войны: 1625 – 1629 года. Вмешательство Дании в лице короля Христиана IV на стороне протестантов в 1625 году вовлекло в борьбу северонемецкую знать. Король был избран протектором Нижнесаксонского округа, членами которого были многочисленные князья из дома Вельфов и

⁷² Kawamura S. The Bohemian state-law and the Bohemian ausgleich. Tokyo, 2010. P. 20.

герцогские роды северной Германии. Выступление датского короля было объявлено актом нарушения ленной присяги (король был ленников императора по голштинским владениям), что влекло автоматически наложение опалы на все имперские чины, поддержавшие вторжение Дании. Кроме того, опала распространялась и на тех князей, которые командовали протестантскими контингентами, формально не принадлежа по своим владениям нижнесаксонскому округу. Так, например, под ударом имперской юстиции оказались тюрингские Эрнестины, в лице молодого герцога Бернгарда-Веймарского и его братьев, отправившихся помогать единоверцам.

Этот второй этап оказался наиболее показательным: он охватил широкие круги северонемецкой знати. Кульминацией здесь стала опала над герцогами Мекленбурга, отправившимися в 1628 году в коллективное изгнание. А их земли были жалованы знаменитому Альбрехту фон Валленштейну.

Также как и предшествовавшая фаза, эта последовательно комбинировалась с религиозными репрессиями. Ключевым стал знаменитый эдикт о реституции 1629 года, который предусматривал возвращение католической церкви всех земель, секуляризированных протестантским дворянством после Пассауского договора 1552 года и перешедших во владение протестантских князей. Его издание ознаменовало коренную ломку всей системы, сложившейся в Империи после Аугсбургского мира в пользу католического блока и имело самые важные последствия, поскольку затрагивало интересы, прежде всего, владетельных протестантских князей, таких как герцогов Вюртемберга или Саксонии, получивших в свое время серьезный выигрыш от секуляризации. Уклонение или прямой отказ от исполнения эдикта грозил им наложением имперской опалы.

Издание эдикта и начало нового шведского этапа в войне можно считать точкой отсчета или точками отсчета новой волны миграции. Её движение следовало по нарастающей, охватывая огромные слои населения. Приведем один из маркеров нового этапа. Так, в начале 1630-х годов отметим

характерно-увеличивающийся поток студентов из Пфальца, которые были отосланы учиться в дружественные протестантские Нидерланды. К примеру, университет Лейдена за 1630-1633 годы фиксирует огромное количество студентов, прибывших из Пфальца⁷³.

Шведское вторжение постепенно вбирало в себя значительный компонент на тот момент уже опальных чинов Империи, а сам размах войны вовлекал все новые регионы в центральной и южной Германии, вместе с владетельными структурами.

Мы видим как прямой и линейный до этого времени характер развития миграционных потоков, напрямую связанный с торжеством католическо-имперского блока, теперь прерывался и усложнялся существенными колебаниями, вызванными военными успехами и неудачами.

Для нашего исследования принципиально важным стал здесь решительный перелом в ходе военных действий, связанный с битвой под Нордлингеном в сентябре 1634 года. Значение этого сражения, формально ознаменовавшего начало конца так называемого шведского периода, в своем социо-культурном значении стало предметом исследования лишь в последние десятилетия. В битве 5 - 6 сентября 1634 г. объединенная имперская армия добилась крупной победы над союзными шведско-немецкими протестантскими армиями. Следствием стал не только перелом в войне, но и распад альтернативных Габсбургам структур в лице Гейльброннского союза, созданного усилиями шведского канцлера Оксенштирны в 1633 году из числа немецких владетельных князей и имперских городов Франконии и Швабии. Его структуры охватывали имперское рыцарство франконских, швабских и рейнских округов, владения имперских графов и крупные территориальные княжества, такие как Вюртемберг или Баден-Дурлах. Оккупация этих земель католическим войсками в течение первых же недель после битвы в сентябре-

⁷³ Album studiosorum Academiae lugduno batavae MDLXXV-MDCCCLXXV; accedunt nomina curatorum et professorum per eadem secula. Hagae, 1875.

октябре 1634 года вызвало настоящую волну поспешного бегства. Вектором движения стал имперский запад, прежде всего земли Эльзаса и юг в виде швейцарской конфедерации.

Особенно показательным стал пример именно Эльзаса: главный город земли Страсбург приютил в своих стенах только в конце 1634 – начале 1635 гг. свыше 400 владетельных семейств и их представителей, бежавших от имперско-католической оккупации. Многие отправлялись ещё дальше на запад. Искали службы у короля Франции или пробирались в Голландию.

Важным юридическим маркером здесь стал мир в Праге, заключенный в мае 1635 года между императором и курфюрстом Саксонии. Он четко определял тех, кто рисковал и далее оставаться под имперской опалой и тех, кто мог заслужить прощения. В разряд изгоев, как и прежде, отправлялись представители знати, исповедовавшие кальвинизм. На них условия мира не распространялись. Зато корона готова была миловать протестантов, признававших эдикт и готовых совместно с императором сражаться с иноземными врагами - шведами.

В этом смысле 1634 - 1635 года олицетворяют своеобразный пик эмиграционного движения имперской знати, в эти годы эмиграция достигла своего апогея.

Обратимся к отдельным примерам.

Пфальцские Виттельсбахи

Фридрих IV, отец будущего «зимнего короля» и главы первого бежавшего семейства, был кальвинистом. К тому же он поддерживал «интернациональный кальвинизм», европейское движение в поддержку

реформатской церкви.⁷⁴ С 1594 года он целенаправленно заключал союзы с немецкими князьями-единомышленниками. Формально Евангелическая уния была сформирована в 1608 году, возглавляемая самим Фридрихом IV. Однако он умер через два года, и лидерство среди немецких протестантов пришлось перенять Фридриху V.

Новый курфюрст занял место отца, Фридриха IV, после его смерти в 1610 году. В силу своего несовершеннолетия опекуном молодого Фридриха стал Иоганн II Цвайбрюккен.

Последний в 1612 году женился на старшей сестре курфюрста – Луизе Юлиане, показал себя довольно жестким политиком, особенно в отношении местных дворян. Так он казнил нескольких офицеров за хищение.⁷⁵ Образование Фридрих V получил весьма основательное, в духе времени. Он учил академическую латынь, французский язык, математику и инженерное дело⁷⁶. Фридрих был первым из пфальцских Виттельсбахов, кто, в сущности, учился за рубежом, в Седанской академии герцогов Бульонских, ревностных поборников реформатской веры. По культуре, языку и французской увлеченности он совершенно не соответствовал старонемецкому, привычному для Пфальца типу патриархального государя. В этом одна из причин равнодушно отношения к нему его подданных в дни катастрофы в 1620 года. Фридрих был гораздо более образованным и трудолюбивым, чем его отец, но имел определенное пристрастие к придворному великолепию и личному тщеславию⁷⁷.

Женитьба на шестнадцатилетней английской принцессе Елизавете устраивала обе стороны. Предстоящий брак был призван укрепить позиции

⁷⁴ Ивонин Ю.Е., Артеменков М.Н. Интернациональный кальвинизм во второй половине XVI - первой половине XVII в. // Вторые Авраамиевские чтения: Материалы научно-практической конференции. Смоленск, 2004. С. 280.

⁷⁵ Schaab M. Geschichte der Kurpfalz. Band 2: Neunzeit. Stuttgart, Berlin.1992. S.77.

⁷⁶ Ibid. S.78.

⁷⁷ Ibid. S.79.

Пфальца в реформированном лагере. Яков, отказавшийся от первоначального плана выдачи дочери замуж за французского короля, стремился к сохранению конфессионального равновесия в Европе. Воспитатель Фридриха - Ганс фон Шенберг, занимался переговорами ещё в 1612 году. По подписанному брачному договору Елизавета имела приданое в сорок тысяч фунтов.

Свадьба состоялась в Лондоне 24 февраля 1613 года в королевской часовне дворца Уайтхолла. Фридрих прибыл, конечно, ранее, в октябре 1612 года, когда он впервые увиделся с прекрасной и белокурой Елизаветой и зарекомендовал себя с лучшей стороны.

После, в мае, молодожёны отправились к дяде Фридриха, Морицу Оранскому, в Гаагу, где их приняли со всем великолепием. С музыкой и фейерверком встречали пару в Гейдельберге, правда, всё было соответствующее финансовым возможностям Пфальца. Важнее всё же то, что саму Елизавету приветствовали с ликованием.

За мирное время у четы родилось трое детей – Фридрих Генрих, Карл Людвиг и Елизавета. В 1618 году Фридрих написал завещание. Исполнителями завещания стали Яков I, его сын принц Карл и Соединённые провинции⁷⁸. В год совершеннолетия и получения полного контроля над Пфальцем, после лихорадки резко изменился характер молодого курфюрста. Он стал сонной, бессильной личностью со склонностью впасть в депрессию.

В мае 1618 года в Праге вспыхнуло восстание сословий, которое положило начало Тридцатилетней войне. Старый император Матфей стоял одной ногой в могиле. В Богемии отнюдь не желали и далее оставаться под властью Габсбургов. На границе с Австрией назревала война. Пфальцский курфюрст и герцог Савойский обещали повстанцам прислать обученную армию под

⁷⁸ Ibid. S.80.

командованием Эрнста фон Мансфельда, известного во всей Европе генерала⁷⁹. В то время как на австрийской границе разгоралась война, курфюрст Пфальца созвал в Ротенбурге собрание Протестантской унии. Князья, входившие в союз, выступили с осуждением их действий. Они не захотели ни платить Мансфельду, ни вступать в какие-либо отношения с повстанцами.

Они категорически отказались поддержать предложение Фридриха о формировании единой армии и выразили свое мнение в меморандуме, призвав императора и его подданных к компромиссу. Христиан Ангальтский, под чьим влиянием, находился Фридрих, желал создать в Чехии партию курфюрста и выставить его в качестве претендента на чешскую корону. Сам Фридрих, конечно же, хотел мира Богемии, о чём он писал Якову и герцогу Баварскому. Все это время Максимилиан Баварский и Иоганн Георг Саксонский старались разрешить чешскую проблему до кончины императора Матфея. Если избрание его преемника произошло бы в ходе восстания, то сторонники курфюрста Пфальцского могли захватить голос Богемии. Именно этот сценарий и разыгрался. 31 июля 1619 года Лаузиц, Силезия и Моравия подписали с Богемией соглашение о создании конфедерации, имея целью сохранить национальное единство и протестантскую веру⁸⁰. В ходе сложных переговоров новым императором стал Фердинанд II Габсбург, бывший до этого королём Чехии. За два дня до этого, в августе 1619 года, королём Чехии был избран Фридрих Пфальцский.

Примечателен тот факт, что Фридрих сначала отказывался от короны и отдавал свой голос в пользу Фердинанда, и окончательно его смогла убедить жена. Елизавета заявила, что «лучше будет есть сухой хлеб со стола короля, чем праздновать за столом курфюрста»⁸¹.

⁷⁹ Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война. М.,2012. С.100.

⁸⁰ Там же. С.101.

⁸¹ Scott. P.5.

Коронация Фридриха богемской короной состоялась третьего ноября 1619 года в Праге, а через три дня там же была коронована Елизавета, которую тут же прозвали «Королевой Сердец». В Чехии они были встречены с особым ликованием.

И в этот час триумфа своих родителей двадцать восьмого ноября родился третий сын Фридриха и четвёртый ребёнок в семье – Рупрехт.

Однако несчастья преследовали Фридриха. Князья унии, хоть и признали его суверенитет, посильной помощи не оказывали, а финансовые возможности Чехии не были велики. Обеспокоен сложившимся положением и расстановкой сил был Иоганн Георг – курфюрст Саксонии. Уже в феврале 1619 года хотели собраться в Эгере за столом мирных переговоров с участием всех умеренных сил Империи. Майнц тоже стремились умиротворить Богемию и посредничать между повстанцами и Габсбургами.

Позиция Фридриха в Германии была шаткая, но ещё меньше его поддерживали в Европе. Яков заявил, что не одобряет действия своего зятя, курфюрст и более того, даже не знал о его планах. Самым стойким союзником оставались Соединённые провинции, однако нидерландцы не были готовы в одиночку защищать Рейн без поддержки Пфальца, в случае проникновения в этот регион испанцев. Летом 1620 года состоялся съезд Протестантского союза и Католической лиги. Князьям-протестантам дали понять, что если они оставят Чехию на произвол судьбы, Католическая лига готова подписать с ними на будущее договор о ненападении. На таких условиях и был подписан 3 июля 1620 года при французском посредничестве Ульмский мир. Решительные планы насчёт Рейна имел Спинола, генуэзский дворянин и военный, приобретший известность в боях с Морицом Оранским. Вывод войск унии из Пфальца открыл курфюршество для любого вторжения. В сложившейся международной ситуации положение Фридриха ухудшали и внутри чешские проблемы. Ему было важно договориться с сословиями и найти общий язык с чехами-лютеранами. Последние конфликтовали с кальвинистами из окружения нового государя. Не хватало средств для

содержания армии, свирепствовала тиф и голод, которые побуждали солдат на грабежи.

8 ноября 1620 года войска католической линии разбили протестантские войска, которыми командовал Христиан Ангальтский, в сражении у Белой горы.

После поражения у Белой горы Фридрих и Елизавета поспешно покинули Прагу. К несчастью, в суматохе маленького Рупрехта забыли, барон Д'Хон буквально кинул его уже в последнюю карету. Младенец бы погиб при тряске, рискуя быть заваленным багажом. Однако его громкий плач услышали, и маленький Рупрехт был спасен.⁸² Далее его вместе с матерью отправили в Бранденбург.

Оставим здесь наших героев. Бранденбург это первая отправная точка их миграционного пути.

Маркграфы Баден-Дурлахские

Георг Фридрих Баден-Дурлахский - сын маркграфа Карла II вступил на престол после смерти старшего брата, в 1604 году, затем примкнул к протестантскому союзу. Ревностный поборник протестантизма, он в 1622 году передал бразды правления своему сыну Фридриху, чтобы сражаться против католической лиги; одержал победу над Тилли при Вислохе, но вскоре потерпел поражение при Вимпфене и должен был бежать в Женеву. Чтобы принять участие в войне, поступил на датскую службу генералиссимусом, но снова был разбит при Гейлигенгофене.

Интересен сам процесс отречения от власти. В апреле 1622 года Георг Фридрих объявил о подписании отречения. Когда точно маркграф начал рассматривать вероятность отставки, с уверенностью сказать нельзя, так как он часто упоминает эту мысль в своих письмах и других записях. Однако, как только он получил сообщение о прибытии Фридриха V в Пфальц, Георг

⁸² Gower. P.5.

Фридрих немедленно подал в отставку. Возможно, так на него повлияла эйфория, вызванная неожиданным присутствием в Пфальце протестантской партии.⁸³ И снова здесь мы подмечаем, как тесно связаны судьбы наших беженцев.

Он также рекомендует своим советникам и чиновникам, чтобы те служили их новому государю Фридриху, как служили ему самому. Своему сыну он велит принимать наследственные чествования от подданных субъектов. Кроме того, Фридрих должен был дать отцу обещание, что будет хорошо управлять страной и защищать подданных, «выгораживать и защищать угнетенных».⁸⁴

Отречение не создавало опасности для продолжения династии, так как Фридрих, уже сам совершеннолетний и правящий, имел двух сыновей, и таким образом был обеспечен наследниками.

Первоначально Георг Фридрих даже не помышлял о вынужденном отъезде. В речи маркграфа излагается, что «теперь его беспокоит только одно желание: стать солдатом и умереть. Точнее, не отдыхать до тех пор, пока наследуемые земли, не будут освобождены от движущихся по Германии испанцев, пока не вернется курфюрст Пфальцский и не будут уничтожены все духовные католики».⁸⁵

Однако отречение осталось незамеченным. Только после военных поражений населению Бадена могли сообщить об отречении. Это предположение подтверждается также отсутствием каких-либо упоминаний об этом в документах кануна битвы под Вимпфеном, опубликованных на сей момент. Остается заметить, что Акт об отречении был подписан. Фридрих V, однако, в отношении военной политики следовал ранее принятым решениям, даже после поражения, бывшего поворотным моментом в стратегии

⁸³ Roth. M. S.194

⁸⁴ Ibid. S.195

⁸⁵ Ibid. S.195

информационной политики, и, следовательно, с самого начала собирался оставить в тайне свое вступление на должность от населения и армии.

В эмиграцию к отцу Фридрих со своей женой Марией Элизабет, детьми и двором, который включал не менее 120-130 человек,⁸⁶ прибудет так же после битвы при Нордлингене в 1634 году.

Эбергард III Вюртембергский

Так же как и дети курфюрста пфальцского, судьба Эбергарда зависела от поступков его отца. Иоганн Фридрих Вюртембергский рос благочестивым и миролюбивым наследником. Однако он был слаб, и период регентства в герцогстве ознаменовался собой громкими делами о махинациях с финансами и землей в 1613 году.⁸⁷

В то же время Иоганн Фридрих примкнул к Евангелической унии 1608 года, хотя занимал в целом осторожную, очень взвешенную позицию в отношении престола и католической Лиги. После ряда поражений в 1621 году в Пфальце и, особенно, в битве при Вимпфене в 1622 году герцогу пришлось прекратить свое выступление против императора. Он дожил до 1628 года, разделив наследственные земли между своими братьями. Те в свою очередь стали опекунами его старшего из доживших сыновей герцога Эбергарда, который наследовал Иоганну Фридриху.

Эбергард родился в 1614 году и принял бремя власти в один из сложнейших периодов Тридцатилетней войны для герцогства. Сначала под натиском войск Валленштейна сдалось союзное по протестантскому союзу герцогство Макленбургское, а Дания проиграла важнейшие сражения. Закономерным итогом стал акт о Реституции, и Вюртемберг так же потерял часть своих земель. Один из дядек Эбергарда – Юлиус Фридрих Вюртемберг-

⁸⁶ Winckelmann. S. 83

⁸⁷ Stälin.P.F. Johann Friedrich, Herzog von Württemberg. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 14, Duncker & Humblot, Leipzig 1881, S. 441

Вайльтингенский так же как и Виттельсбахи увидел надежду и спасение в шведах. Он принимает участие в весьма успешной битве под Лейпцигом. Однако уже в 1633 году при помощи своего канцлера Лоффлера Эбергард становится совершеннолетним и принимает единоличное правление, опираясь лишь на помощь своего канцлера Лоффлера.⁸⁸ Он так же радуется за дело немецкого протестантизма и активно готовится к новому военному противостоянию с имперскими войсками. И все же это была лишь подготовка и мечты, сражение при Нордлингене в сентябре 1634 года было проиграно объединенной протестантской армией. То был решающий момент для протестантского юга. Вероятно, Эбергард и его семья опасались за неудачный исход кампании ещё в конце лета того же года. Еще за месяц до этого ее мать – вдова Барбара София была отправлена со своим двором в Страсбург, где почти был готов новый дом для семьи. Герцог предусмотрительно рассмотрел пути к отступлению и бегству, хотя до последнего сам оставался в Штутгарте – столице герцогства. После его отъезда Вюртенберг подвергся захвату и разграблению имперской армией.

Маршруты миграции

Географически маршруты миграции указанных выше семейств делятся, условно говоря, на два вектора: запад и северо-запад. Для начала обратимся к Виттельсбахам.

После спешного бегства из Праги семья Фридриха V сначала отправилась в Бранденбург. Курфюрст Бранденбурга был женат на сестре Елизаветы - Екатерине. Будучи лютеранином, он не желал ссориться с императором, поэтому принял Елизавету и её семью холодно, одолжил ей промёрзлый замок. В нём в 1621 году Елизавета родила пятого ребёнка – Морица. Малыш

⁸⁸ Stälin.P.F. Eberhard III., Herzog von Württemberg. In: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Band 5, Duncker & Humblot, Leipzig 1877, S.559–561.

был назван в честь Морица Оранского, и мать желала ему уже тогда военной карьеры.

Нидерланды

О возвращении в Пфальц не было и речи, поэтому, оставив младенца на попечение Екатерине, семья уехала в Голландию, где их принял у себя штатгальтер Мориц Оранский.

Надо отметить, что штатгальтер еще с 1618 года пристально следил за ситуацией в Империи. Его агенты слали ему неоднократные послания, в которых сообщали и о позиции Императора, и о короле Франции, а так же действиях новоиспеченного Богемского короля.⁸⁹

В Мюнстере их встречал младший брат Морица Фредерик-Генрих, который сопровождал беженцев в Гаагу. Семью ожидала добрая встреча. Фредерик-Генрих отдал свой замок им в распоряжении. Были получены так же некоторые гранты из Англии и Шотландии.

Старшие дети были отправлены на учёбу в Лейден, а у Виттельсбахов благодаря щедрости штатгальтера был там дом недалеко от Университета. Этот дом стоял на углу Рапенбурга и Лангенбурга.

Однако ранние годы детей прошли в тревоге и бедности. Только Рупрехт и Фридрих-Генрих оставались в Гааге с родителями, а Елизавета и Карл Людвиг были на попечении у бабушки Луизы Юлианы. Когда в Гейдельберге стало не безопасно, их перевезли в Берлин, где в это время жил маленький Мориц с тётёй. Фридрих-Генрих был достаточно взрослым, чтобы сознавать разлуку с братьями и сестрой. Он писал Карлу Людвигу, что хотел бы передать ему красивый лук с колчаном, но боится, что это попадёт в руки врага, писал он и о простуде Рупрехта в письме к дедушке Якову⁹⁰.

В Гааге семья пробыла не долго, переехав в Лейден. Но Рупрехт и Карл Людвиг были отправлены в Берлин к сестре и братьям вместе с детьми,

⁸⁹ 1.01.19 W.G. van Oijen, E.A.Th.M. Schreuder, H.A.J. van Schie Nationaal Archief, Den Haag

⁹⁰ Scott. P.8.

рождёнными в Гааге, как только последний подросли достаточно, чтобы выдержать три дня путешествий.

В 1631 году Рупрехт вместе с остальными детьми отправился в Лейден. Согласно письму, датированному второго июня и составленному их наставником – Иоганном Гунрихом, двадцать первого мая они покинули Майзенхам. Затем в течение трёх дней добрались до Дюссельдорфа. «Сперва принц Карл Людвиг грустил, тем не менее, после он отнёсся терпеливо к тому, что им предстоит путешествие на большом корабле по Рейну, а случай с упавшим в воду штурманов всех развеселил. В Дюссельдорфе они оставались два дня. За это время Рупрехт нанес довольно много визитов, показав понимание всей важности таких мероприятий. С двадцать шестого по тридцатое число он путешествовали до Лейдена. По пути заехали в Архайм на экипаже. Эта поездка пришлась по душе принцам гораздо больше, чем на воде. У них улучшился аппетит, а так же теперь в доступности была кипячёная вода. В Лейдене принц Рупрехт скоро взял кредит, завёл особо важные и дружественные связи. В общежитии Лейденского университета Рупрехт был вынужден остановиться под именем мистера Пларера»⁹¹.

Сразу оговоримся, нам не удалось найти следов имматрикуляции Рупрехта в Лейденский университет в опубликованных регистрах. Мы видим огромное число студентов из Гейдельберга, отправившихся в Нидерландах по обычаю кальвинистской традиции и по условиям войны, однако у многих из них указаны отцы, не относящиеся к дворянскому сословию. Представляется, что Рупрехт мог записаться, указав не только свое ненастоящее имя, но и происхождение.

В письме от двадцать девятого июня 1633 года упоминается поездка Рупрехта из Гааги, из которой он вернулся вполне благополучно⁹².

До всех этих событий в 1630 году судьба улыбнулась Фридриху и его семье. Густав Адольф, шведский король, объявил войну императору Фердинанду II.

⁹¹ Berichte des Johann Heinriche Stern. S.324-328.

⁹² Ibid. S.325.

Фридрих прибыл в ставку Густава Адольфа во Франкфурте в феврале 1631 года. Он узнал о намерениях шведского «льва» вернуть Пфальц в качестве вассала короны. Положение Фридриха было настолько безвыходным, что даже его природная гордость, в конце концов, сломилась. Бывший курфюрст зимой 1632 года все же появился на стороне Густава Адольфа, а после того, как последний взял Нижний Пфальц, Фридрих заплатил королю 5000 тысяч фунтов.

Но прежде чем вернуться в армию, он нанёс визит в университет Лейдена, где учились Карл Людвиг и Рупрехт. Это был его последний визит, в ноябре 1632 года Фридрих умер в Майнце на тридцать шестом году жизни. Непосредственной причиной был лихорадка, которой он переболел в ходе летней кампании.

Когда все мальчики и девочки подросли, они были вывезены из Лейдена ко двору в Гааге.

В 1635 году Рупрехт, наконец, отправился на свою первую настоящую кампанию в качества волонтера в охранном сопровождении принца Оранского⁹³. Особенно Руперхт старался отличиться в ходе переправы через реку Флориваль⁹⁴. Помимо этого принц принял участие в осаде Лёвина и Тинина, и был ранен.⁹⁵

Англия

К этому моменту Карл Людвиг достиг восемнадцатилетнего возраста. По этому поводу он был вызван в Англию Карлом I. Елизавета переживала,

⁹³ Treskow. S.25.

⁹⁴ Warburton. Vol. 1. P.57.

⁹⁵ Scott. P.21.

потому что молодой Карл Людвиг мог совершить ошибки. Прибыл в Англию наследник отца в октябре 1635 года и был очень любезно принят королём.

Таким образом, Елизавета решила отправить второго сына к брату, не надеясь, что Рупрехт будет иметь такой же успех. Она просила Генриха Ване присматривать за тем и направлять. К счастью или нет, но она ошиблась. Рупрехт затмил своего брата.

Елизавета осталась не довольна долгим пребыванием Рупрехта в Англии. В феврале 1637 года король послал молодого Джорджа Горинга, который служил в армии штатгальтера, поговорить с ней. Сестра короля высказалась, что Рупрехт только теряет время в Англии⁹⁶. В итоге пришлось обратиться к Фредерику-Генриху Оранскому, у которого находились сухопутные войска во Франции. Новые кампании и участие в них Рупрехта более чем устраивали Елизавету. Планы на возвращение Пфальца вернулись. Многие английские дворяне предлагали свои мечи, а английский король обещал деньги и даже корабли.

Карл, наконец, отпустил братьев, и они в июне 1637 года отправились из Гринвича в Гаагу. В день отбытия Рупрехт охотился утром с королём и заявил, что готов сложить кости в Англии⁹⁷. Оба брата покидали остров с неохотой.

Священная Римская империя

В том же 1637 году Фредерик-Генрих Оранский осаждал город Бреду. В армии Рупрехт встретил англичан, с которыми был уже знаком - Эстли, Горинг, лорды Нортгемптон и Грандисон - и тех, с кем ещё было суждено

⁹⁶ Hauck.S.12.

⁹⁷ Gower. P.10.

воевать в годы гражданской войны, как в качестве друзей, так и в качестве врагов⁹⁸.

После падения Бреды, Мориц был отправлен в Парижскую школу вместе с младшими братьями, несмотря на всё его желание остаться в армии. Но Елизавета была против, так как хотела обезопасить сыновей по причине таковой, что Карл Людвиг и Рупрехт намеревались предпринять рискованный путь – вернуть Пфальц.

Братья нашли время, и посетить турнир в Гааге, где, к слову, произвели прекрасное впечатление, и свою мать в Ренене.

Несмотря на мир, заключенный в Праге в 1635 году, война в Германии продолжалась, и шведы не собирались эвакуировать уже занятые области. Военные действия переместились на северо-запад. Карл Людвиг надеялся при помощи английских денег и добровольцев, он смог собрать войска из Гамбурга и Вестфалии, расквартировал своих людей в Везеле. Молодой курфюрст отправился из Гааги в Вестфалию к шведским генералам Банеру и Рингу, осуществлявших общее командование шведско-немецкими силами, с целью организовать общий союз князей, пока Рупрехт в Голландии стремился набрать войска.⁹⁹

К октябрю 1638 года они были готовы к военным действиям. Лорд Кравейн командовал гвардией, а Рупрехт кавалерий. И всё же шансы были невелики.

Направляясь к нижнему Пфальцу, армия выступила на восток через епископство Мюнстер. По дороге Рупрехт с присущей ему воинственностью напал на один из имперских гарнизонов, где какой-то солдат стрелял в него с расстояния десяти ярдов, но Рупрехту повезло – пистолет дал осечку. Они дошли до Везера и собирались осадить Лемго, только в скором времени им пришлось снять осаду, потому что поступило известие о приближении имперского генерала Гатцфельда. Ждать его натиск было безумием, поэтому

⁹⁸Scott..P. 34.

⁹⁹ Treskow.S. 31.

они отступили. Существовало два пути: Флото на западе и Ринтельн на востоке. Следуя советам генерала Кинга, они пошли к Флото, но таким образом проиграли битву.

Карл Людвиг сумел вернуться в Нидерланды, а сам Рупрехт попал в имперский плен. Его перевезли не в Вену, а в Линц на Дунае под присмотр графа Кюффштейна.

Тем временем Елизавета думала, что отправив младших сыновей в Париж, так она обезопасила их и с ними не случится ничего подобного, как с Рупрехтом. Но беспокойство принесло неосторожное поведение Карла Людвига, которого не остановил недавний проигрыш. Он заключил союз с герцогом Бернардом Саксен-Веймарским, который имел довольно тесные отношения с Пфальцем. Нетерпеливый молодой человек отправился к герцогу в Эльзас через Париж. Кардинал Ришелье, желающий сохранить герцога в своей армии, арестовал Морица. Обеспокоенная мать обратилась к принцу Оранскому, тот объяснил ей, что Ришелье опасается привязанности её сына к Англии, которой сам кардинал не испытывал. Правда, позже Мориц был отослан с кораблём в Англию, а Карл Людвиг проводил время в Париже довольно приятно. В 1640 году он был освобождён и тоже отправился в Англию.

Мориц же в январе 1640 года присоединился к шведским войскам и император Фердинанд 3 опасался, что Рупрехт будет вести с ним переписку. Надо отметить, что в июне 1641 года Мориц вернулся в Нидерланды к сёстрам, которые переживали за Рупрехта, находившегося в плену.

Всё же принц был освобождён, когда он пообещал не поднимать меч против империи.

Рупрехт отправился сначала в Прагу - город, где всё для него начиналось. Потом он проехал в Саксонию. Иоганн-Георг I в честь него собирался устроить банкет.

Первым новость об освобождении Рупрехта семье сообщил, конечно же, Рой. Елизавета поделилась с ним, что обеспокоена дальнейшей судьбой сына. Она не хотела бы, чтобы он находился бесцельно в Голландии, и в тоже время она боялась отпускать его в Англию. Помимо этого содержать его финансово она не смогла бы.

Так возникли идеи отправить его в Ирландию, где поднялось восстание против Карла I. Король одобрил это предложение, но парламент не принял этот замысел и отнёсся к нему с недоверием, по словам того же Карла.

В феврале 1642 года Рупрехт отправился в Англию, где встретился с королём в Дувре, куда он сопровождал жену и старшую дочь. Королева Генриетта намеревалась собрать на континенте деньги и людей для мужа, так как в стране назревал кризис. Дамы отплыли в Голландию вместе с Рупрехтом, там их встречали Елизавета, две её дочери и принц Оранский с сыном¹⁰⁰. Рупрехт пробыл в Гааге до августа, пока не началась гражданская война в Англии и он, наконец, получил занятие, как и желала мать.

Англия и континент

В Англии Рупрехт и его брат Мориц пробудут до лета 1645 года, пока после неудачи с Бристолем, не будет высланы королем.

В 1645 году в семье Виттельсбахов случилось новое событие. Младший принц Эдуард сочетался браком с итало-французской принцессой Анной Марией Гонзага-Неверской. Оба остаются проживать во Франции, а Эдуард меняет вероисповедание (он переходит из протестантизма в католичество), тем самым теряя права на возвращение в Пфальц. В Париже он проживает вплоть до своей смерти в 1663 году.

На континенте Рупрехт так же продолжает реализовываться на военном поприще. В 1647 году она сражается на севере Франции со своими давними противниками испанцами.

¹⁰⁰ Scott. P. 58.

Тем временем после вестфальского мира 1648 года Карл Людвиг со всем двором возвращается в Пфльц в качестве законного курфюрста. Показательно, что его мать Елизавета предпочитает остаться в Гааге.

В конце 1648 года Рупрехт снова приближается к английской короне. На этот раз, правда, в лице принца Уэльского, будущего Карла II Стюарта. Рупрехт становится вице-адмиралом королевского флота, который на данное время находился у нидерландский берегов.

Было четыре плана дальнейших действий, среди которых был план освобождения короля с острова Уайт. Выбрали последний. Идти пришлось через Ирландию. Ребич отмечает, что в такой ситуации принц – новый, энергичный командир с легендарной репутацией среди друзей и врагов, являлся инструментом пресловутой пропаганды круглоголовых¹⁰¹.

В январе 1649 года Рупрехт отправился в Ирландию. Его цель - причалить к Дублину. Однако принц не успел, а тридцатого января 1649 года Карл Стюарт - его дядя, был казнен. Его наследника же признали лишь в некоторых частях Ирландии. Английский флот перешел почти полностью, за исключением тех кораблей, которые вел принц, под власть Парламента.

Рупрехту грозило попасть в ловушку Кромвеля, но ему удалось из нее ускользнуть. Он направился на юг, а позднее возвращается в Гаагу. После созыва совета было решено - под покровом ночи устремиться к Лиссабону.

Португалия, Средиземное море и Атлантика

В Португалии у принца было довольно выгодное положение с получением разрешения на заход его кораблей в порты королевства.

¹⁰¹ Rebitsch. S.49.

И, несмотря на имеющееся расположение короля – Жуана 4 Восстановителя, стало ясно, что Рупрехту следует как можно скорее отбыть из Португалии. Так же из Портсмута было отправлено шестнадцать судов под командованием Роберта Блейка, который с рвением преследовал Рупрехта – полное уничтожение «пиратов» (то есть флот Рупрехта) означало бы большой успех для него¹⁰². В середине марта 1650 года флот Блейк подплыл к Португалии

Рибич иронично называет Блейка и Рупрехта «кошкой и мышкой»¹⁰³. В мае Блейк безуспешно пытался вывести принца на открытое противостояние. К июню португальский король уже был обязан выдать Рупрехта. Возможность вырваться из Лиссабона представилась Рупрехту, когда Блейк отчалил в Кадис.

Рупрехт прошел через Гибралтар в бассейн Средиземного моря. Здесь в районе Малаги планировалось ограбление английского торгового флота, однако из-за перебежчиков план сорвался. Неудачи Рупрехта носили почти общеевропейское значение. В Париже были обеспокоены намечавшимся англо-испанским союзом¹⁰⁴.

Следующая более-менее остановка Рупрехта была в Тулоне, куда прибыл и Мориц – младший брат принца. Там принц занялся капитальным восстановлением своего флота. И, хотя дальнейший курс был проложен к Майдере и Канарских островам, уже тогда в голове Рупрехта созрел довольно выгодный в экономических соображениях план отправиться к берегам Вест-Индии, а именно к Барбадосу и Подветренным островам, которые на тот момент процветали за счёт экспорта табака в Европу¹⁰⁵.

¹⁰² Ibid. S.59.

¹⁰³ Ibid. S.62.

¹⁰⁴ Ibid. S.63.

¹⁰⁵ Ibid. S.64.

К концу июля 1651 года небольшой флот Рупрехта достиг Азорских островов. Здесь из-за плачевного состояния своего судна Рупрехт вынужден был остановиться. Его команда позволила подчинить себя хаосу. Даже Мориц во время этой спасательной операции вел себя чрезвычайно неконструктивно. Его поведение граничило с неподчинением¹⁰⁶.

У Рупрехта осталось всего три корабля. В январе 1652 года все же удалось заставить роялистов Барбадоса сдаться. Затем следуют годы авантюрных приключений Рупрехта. Семнадцатого сентября 1652 года случилось ужасное событие – через четыре дня после начала шторма Мориц пропал без вести. Поиски продолжались вплоть до двадцать пятого сентября. Ходили слухи, что Мориц жив и он узник испанцев или алжирских пиратов¹⁰⁷.

После атаки Роберта Холмса и потери кораблей Рупрехту пришлось плыть через Виргинские острова в Европу. Бессмысленное приключение закончилось.

В Португалии Рупрехт не получил столь дружественный прием, как ранее. Конечная остановка состоялась в Нанте.

Пфальц, Ганновер, Франция и Англия

Самое главное же для принца было получение наследственных земель в Пфальце и назначение ему пансиона.

В том же 1654 году случился неприятнейший семейный инцидент - настоящая сора между братьями. Дело в том, что Рупрехт по просьбе матери поехал в Пфальц. Так случилось, что на празднике должна была присутствовать Мария-Луиза, знакомая обоим братьям. Карл Людвиг, боясь, что баронесса предпочтет младшего, перенес торжество из Гейдельберга (под

¹⁰⁶ Ibid. S.65.

¹⁰⁷ Ibid. S.70.

предлогом того, то резиденция нуждается в перестройке) в замок маленького городка, не предупредив заранее Рупрехта. Разгневанный принц поклялся больше никогда не возвращаться в Пфальц¹⁰⁸.

Какое-то время планировалось, что Рупрехт возглавит войско итальянского герцога Модены.

Позже Рупрехт даже развивал идею о том, чтобы составить союз с врагами своей семьи - баварскими Виттельсбахами и пойти против брата. С 1658 года принц на службе у Леопольда I Габсбурга – своего давнего знакомого. Неожиданно, но Рупрехт теперь боролся против лютеранской Швеции в пользу католической Польши.

В 1657 году из Антверпена в Париж бежит одна из младших принцесс Луиза Голландина. Она так же меняет веру, уходит в монастырь и порывает с семьей.

В то же время младшая сестра Рупрехта София в 1658 году в Гейдельберге удачно выходит замуж за Эрнста Августа Брауншвейг-Люнебургского. Тот в 1679 году из Оснабрюка переезжает в Ганновер, а с 1692 года становится ганноверским курфюрстом. Так собственно София становится ганноверской курфюрстиной и родоначальницей той самой ганноверской династии, которой будет суждено править Великобританией на всем протяжении восемнадцатого столетия.

Что же касается Англии семнадцатого века, то туда, забрав с собой впоследствии Елизавету, Рупрехт возвращается после реставрации Стюартов в 1661 году, где и проживает вплоть до своей смерти в 1682 году.

Рупрехт проявил активность и в Канаде, став первым губернатором компании Гудзонова залива, земля вокруг которого и поныне носит его имя – земля Рупрехта.

¹⁰⁸ Fehrle-Burger L. Königliche Frauenschicksale zwischen England und Kurpfalz. Haas, 1965. S.138.

Таким образом, можно заключить, что география жизни Виттельсбахов во время их вынужденной миграции и после отличается богатым разнообразием. Отметим здесь такие ключевые пункты как Нидерланды, Англию, Францию. И если часть семьи сумела все же найти пристанище в родном доме после 1648 года (Карл Людвиг и София), то некоторым было вовсе не суждено увидеть Пфальц снова (Фридрих и его старший сын, который трагически погиб в 1629 году). Из-за семейной напряженности не возвращается в Гейдельберг Елизавета, а ее младшие дети Эдуард и Луиза Голландина в силу личных и конфессиональных обстоятельств предпочитают Гейдельбергу Париж. Кто-то же, и здесь имеются в виду Рупрехт и Мориц вовсе вынуждены были скитаться по миру. Хотя, в конечном счете, Рупрехт нашел свой «второй дом» в Англии. К тому же, если рассматривать географию передвижений по поколениям, то мы замечаем, насколько мобильнее оказалось младшее поколение – дети. И Фридрих, и Елизавета в какой-то степени оказались привязаны к Нидерландам и необходимости поддержания своего статуса. Тем самым для детей выпадал своего рода шанс найти свое место в другой стране, адаптируясь и находя новых союзников в деле по восстановлению своего сословного статуса.

Пример многочисленного семейства Виттельсбахов весьма показателен с точки зрения географии миграции. Он показывает нам все те трудности, с которыми максимально возможно столкнуться. Мы не можем закрепить за ними какой-то определенной точки, даже в тех же Нидерландах им приходится перемещаться по стране. Однако это не беспорядочное метание по Европе и миру. Они действуют по необходимым схемам и в рамках ситуативной идентичности. Овдовевшая Елизавета, к примеру, смиряется со своей участью и остается в Гааге на долгое время. Ее дети, по мере своих возможностей, выстраивают свой путь к дому - старому или новому.

Рассматривая же географию миграций Эбергарда Вюртембергского и маркграфов Баден-Дурлахских, мы увидим совершенно иную картину. И герцог, и маркграфы старались держаться как можно ближе к границам Империи.

Женева, Страсбург и Базель

Что же касается маркграфов, то Георг Фридрих в 1625 году изначально выбрал своим пристанищем Женеву. Он лелеял надежды на возвращение при помощи Дании. Но после разлада с датским военным руководством бывший маркграф в 1627 году перебирается в Страсбург, где и проживает вплоть до своей смерти в 1638 году.

Фридрих V Баден-Дурлахский отправился к отцу. Прибыл он туда 18 октября 1635 года, и вместе они обитали в старой резиденции баденских маркграфов, обустроенной в Страсбурге ещё в 16 веке «Драконьем утесе» на берегу Илля.

Однако складывалось впечатление, что он не намерен здесь надолго оставаться. Он продолжал вести переговоры по реституции наследственных земель. В 1638 году маркграф вернул северную часть маркграфства, а в ходе переговоров 1643—1648 годов оформились условия реституции. Но что более странно – в 1643 году Фридрих покинул Страсбург и переехал в нейтральный Базель, где прожил до 1650 года, несмотря на то, что уже два года имел право вернуться в Дурлах.

Страсбург

Герцог Эбергард Вюртембергский теряет все так же после битвы при Нордлингене и все же возвращается в Вюртемберг уже в 1638 году после

длительных переговоров с императором Фердинандом III. Однако прежде, была долгая дорога из дома.

Подробно о ней мы узнаем из черновика письма матери Эбергарда — Барбары Софии, отправленного 13 августа 1634 года.

Судя по всему, семья с большими пожитками и без должного сопровождения вынуждена была задержаться в пути, ожидая ответа от сына. Барбара София не была уверена в безопасности их передвижения в Страсбург в условиях военных стычек и грядущего сражения (битвы под Нордлингенем, конечно).

В своем следующем письме от 14 августа 1634 года (тоже черновик) она подробно сообщает сыну о маршруте своих передвижений. Так они выбрались из Пфорцгейна и прибыли в Дурлах.¹⁰⁹ Заметим, как примечательно пересекаются судьбы наших мигрантов — герцога и маркграфов. Конечно, этот момент можно объяснить близкой географией и дорогой в одну конечную точку — соседний и граничащий с Империей Страсбург, который предоставлял убежище. Хотя, безусловно, здесь прослеживается элемент сословной и конфессиональной солидарности. Так Барбара София доверительно сообщает, что советовалась с маркграфом по поводу дальнейшего передвижения ее двора. Тот «посоветовал нам дорогу на Шпеер», в отличие от Оберкирха. Однако окончательное решение, по словам герцогини, за Эбергардом.

Тот, к слову, в своем письме к матери тоже посоветовал ехать в Страсбург из Шпеера.¹¹⁰ Примечательно, что это письмо было написано еще 12 августа, то есть за пару дней до письма Барбары Софии. Возможно, Эбергард заранее продумывал маршрут для этого предприятия.

В Страсбурге семейство поселилось в так называемом Рюлевом доме, расположенном в старой престижной части города на берегу Илля.

¹⁰⁹ HSTAST G 67 Bü 23

¹¹⁰ HSTAST G 67 Bü 23

Жизненное пространство вюртембержца и его родни вплоть до октября 1638 года будет ограничено только стенами Страсбурга. Собственные вылазки герцога ограничивались близлежащей округой и служебными поездками по линии Рейна: с 1635 года он формально состоял на службе французской короны в качестве генерала и коменданта крепости Филиппсбург, находящейся на границе с его родиной. Большим динамизмом отличался путь его братьев и племянников. Ульрих, младший брат, поступил на французскую службу и в 1635 году почти безотлучно был во Франции. Столь же активны были его двоюродные братья - дети родного брата Юлиуса Фридриха. Они также состояли на службе французской короны и союзников Швеции и не слишком часто навещали резиденцию в Страсбурге.

Для старшего поколения семьи герцога Страсбург стал же единственным пристанищем и местом последнего упокоения. Мать Барбара София умерла в 1636 году, а ещё раньше – родной дядя Юлиус Фридрих. Анна Сабина, урожденная герцогиня Голштейн-Глюксбург, его вдова оставалась там же в Страсбурге, вплоть до возвращения после реституции Эбергарда в 1638 году.

Оба примера подводят нас к заключению, что за неимением должных финансовых средств или династических знакомств, и маркграфам, и герцогу пришлось оставаться вблизи границ. И это сыграло свою роль, ведь так они могли более успешно вести переговоры с короной и дружественными князьями и попытаться активировать свои связи, о чем пойдет речь ниже.

Стратегии адаптации Виттельсбахов

Теперь попытаемся ответить на представляющиеся нам наиболее важные вопросы. Как обретался новый дом на чужбине? Каким образом эмигрантами обустроивалось новое гнездо, и каковы были материальные и символические составляющие процесса адаптации?

Что касается Виттельсбахов, то следует рассмотреть материал по трем составляющим: материальная адаптация, сословная солидарность и конфессиональная идентичность.

Материальная адаптация

Виттельсбахи после своего поражения и потери статуса сильно обеднели. Несмотря на родственные узы, семья имели долги перед правящим домом Нидерландов – штатгальтерами Оранскими. Отметим, что часть долгов взял на себя брат Елизаветы - Карл Стюарт. А после смерти старшего наследника в 1629 году и потери наследства Елизаветы от Морица Оранского пришлось еще хуже. Долги росли в той же степени, как и размеры самой семьи. Карл I даже закладывал свои драгоценности, чтобы помочь им.

Смерть отца семейства Фридриха поставила Елизавету отнюдь не в завидное положение: она потеряла мужа, первенца и ещё двух детей, умерших в младенчестве – Людвига и Шарлотту. Сейчас она же осталась с десятью детьми и огромным количеством долгов. Несмотря на это в Елизавете сохранился прочный стержень, она не предавалась унынию, и это унаследовали её дети. София признаётся, что была весела в те дни, хотя им приходилось продавать жемчуга и другие драгоценности. Правда девочке было всего два года, и она вряд ли могла осознавать бедствие семьи. Так же известно, что Луиза обладала невероятным талантом к живописи, она нередко продавала свои картины, чтобы принести какой-то доход семье.¹¹¹

Повседневность и резиденция

¹¹¹ Scott. P. 18.

Новый дом то не просто материальное обустройство резиденции, но и тот цикл повседневности и характерный церемониал, которые должны были так же важны для поддержания роли дворянина.

Виттельсбахи жили в резиденциях, предоставленных штатгальтерами. Сначала в Гааге, затем некоторое время в Лейдене, благодаря щедрости штатгальтера был там дом недалеко от Университета. Этот дом стоял на углу Рапенбурга и Лангенбурга. (Приложение 1) Примечательно, что в настоящее время этот дом служит гостиницей.

Однако вскоре чета вынуждена была переехать на виллу в Ренене близ Утрехта, где они надеялись быть более экономными. Елизавета была лишена общества, к которому привыкла, но здесь она нашла утешение в охоте. С собой она брала сыновей.

София подробно описывает их повседневную жизнь. Распорядок дня расписан по часам. В одиннадцать часов предполагался обед, и это была целая церемония с множеством слуг, реверансов сестёр для каждого брата. Им приносили чашу для омовения рук, прежде чем они садились за стол. И каждый день они знали, что будут есть.

Для мальчиков был составлен специальный учебный план: четыре часа отводилось им на отдых и физические упражнения, утром и вечером они посещали молитвы, читавшиеся на английском языке, после утренних – чтение Библии и учебные занятия. Кроме того, изучали историю, математику, юриспруденцию, говорили с лёгкостью на пяти-шести языках. В частности с матерью общались и писали ей на английском. Между собой дети с удовольствием использовали французский, часто совмещая его с голландскими и немецкими фразами.

И все это только ради того, чтобы дети были готовы в обозримом будущем вновь занять свое место или быстро подняться по дворянской лестнице в случае неудачи. И надо признать, что это было весьма полезно. Пример того же Рупрехта показывает нам, как сильно в будущем пригодится ему его

образование, и что сформировавшаяся личность принца, здесь в Нидерландах, покорит или оскорбит многих дворян в других странах.

Рупрехт рано проявил независимость своего характера, изучение языков он считал для себя полезным. К тринадцати годам он мог быть понят практически во всей Европе. Помимо этого у него была страсть ко всему военному - фехтование, верховая езда, изучение фортификации и геометрии.

Сословная солидарность

Здесь, конечно, для мигрантов в первую очередь важен *дворянский* статус и механизм его воспроизводства.

Виттельсбахи, несмотря на свое плачевное денежное состояние, старались поддерживать образ крупного дворянского семейства, имеющего собственные привилегии перед другими. И в то же время они не стеснялись просить помощи более влиятельных и богатых друзей и родственников. Во многом они полагались на ту самую дворянскую солидарность, все время не забывая о собственном достоинстве и важности в дворянской иерархии, которое было так несправедливо отнято.

По воспоминаниям Фредерика-Генриха Оранского: «В разгар всего этого король и королева Богемии, которые после их избрания, были свергнуты и лишены их статуса и государства из-за поражения битвы под Прагой, прибыли в Гаагу, испытав долгое путешествие полное трудностей и бедствий. Они достигли Штатов, а так же принца Оранского с честью и любезностями из-за их высокого положения»¹¹².

¹¹² Bentley. P.87.

На протяжении всей своей жизни Мориц никогда не отказывался от возможности показать доброту и, даже, любезное отношение к сосланной "жемчужине Британии" и делал всё возможное, применял всё своё воображения для изобретений различных удовольствии, празднеств для увлекающейся супруги Фридриха V.

По воспоминаниям Фредерика-Генриха: «В мае 1624 года не было никакой военной опасности, и Мориц провёл восемь дней в Бреде в кампании Елизаветы, английских и венецианских купцов и внушительного общества дам и кавалеров. Они охотились, ходили на всякого рода экскурсии и, в конце концов, вернулись в Гаагу»¹¹³.

Из вышеприведённых отрывков не следует выводить то, что Мориц мог не просто так наслаждаться кампанией Елизаветы Стюарт. Она, несомненно, вдохновляла его, но Мориц был более солдат даже чем его отец. А его любовь к общению с женским полом можно объяснить тем, что его рано разлучили с матерью.

Большое значение при дворе Елизавета приобрела и после смерти Морица, когда единственный сын нового штатгальтера и Амелии Сольмс-Браунфельсской, которая, между прочим, в своё время приехала в Голландию в составе свиты Елизаветы Богемской, будучи бесприданницей, женился на Марии, дочери Карла Стюарта.

Еще одной характерной чертой быстрой адаптации при дворе штатгальтера служит тот факт, что известному придворному художнику, деятелю нидерландского Золотого века Герриту ванн Хонтхорсту была заказана серия великолепных портретов семейства Виттельсбахов. Можно предположить, что эта серия показательный пример репрезентации дворянской идентичности при помощи «интернациональных» родственно-династических связей. К слову, в современное время часть этой серии представлена в залах Северного Возрождения в Лувре. (Приложение 2)

¹¹³ Ibid. P.88.

Довольно быстро в Гааге Елизавета стала популярной среди местных дам, собрался вокруг неё и кружок почитателей, состоявший, в том числе, из английских послов в Гааге. К примеру, сэр Томас Рой. Прозвище «Королевы Сердец» закрепилось за Елизаветой и здесь.

Особенно благосклонно к ним относился герцог Бекингем, который имел влияние на Карла I такое же сильное, как и на его отца прежде. Герцог предложил брак между Фридрихом Генрихом и его старшей дочерью Мэри Вильерс. Фридрих Генрих отзывался о нём с любовью и благодарностью в письме 1627 года, но через год герцог Бекингем был убит, сам Фридрих Генрих тоже ненадолго пережил своего благодетеля.

Перед своей смертью в 1632 году бывший курфюрст Фридрих написал Карлу I, где просил его присмотреть за своей женой и детьми¹¹⁴.

В письмах Елизаветы и Карла Людвига обсуждалась личная жизнь Рупрехта. Еще до первого прибытия братьев в Англию предполагалось, что господин де Роган - герцог из очень именитой протестантской семьи, планировал выдать свою дочь за принца. Из письма Карла Людвига к матери от шестнадцатого сентября 1632 года мы узнаем, позицию Карла I, Елизаветы и Карла Людвига в этом вопросе. Так инициатива шла со стороны матери и при поддержке дяди. Старший брат так же не считал это предложение абсурдным, так как «невеста» обладала всеми нужными качествами « и по родству, и в средствах, и в религии»¹¹⁵. И все же брак не состоялся, во многом из-за самого Рупрехта, который к тому времени уже отправился на поля сражений нидерландской освободительной войны против испанцев.

Что же касается Англии, то здесь дело стояло за братьями Карлом Людвигом и Рупрехтом.

¹¹⁴Spenser. P.24.

¹¹⁵Ibid. P.56.

Внешняя репрезентация: встречи и контакты

Английское дворянство

В Англии в отличие от Гааги молодой Рупрехт раскрывал силу своего характера и находчивость. Так же Томас Рой восхищённо писал, что принц полон духа и действия, все, что он делает превосходно.¹¹⁶ Его величество с удовольствием общается с ним, потому что принц никогда не бывает простым в своей речи. С королём они нашли и общую точку соприкосновения в любви к искусству. Рупрехт так же строил вместе с королём авантюрный план колонии на Мадагаскаре, где молодой принц мог бы быть лидером. Для Елизаветы же он был только «солдатом короля и брата». Она писала Рую, что её сын «не должен бродить по миру, как странствующий рыцарь»,¹¹⁷ конечно, не зная уготовленной Рупрехту судьбы. Сам принц относился к увещаниям родственников равнодушно и не распространялся насчёт своих планов.

Оба мальчика вырвались из дома, они теперь уже не желали подчиняться матери. Положение ухудшил визит одной из дам Елизаветы – госпожи Крофт. Между ней и мальчиками не было особой любви, они были уверены, что она шпионка матери. Помимо этого они в сопровождении короля посетили Оксфорд¹¹⁸. Там перед делегацией разыграли две пьесы. Рупрехт, одетый в алое одеяние, был представлен как соискатель степени магистра искусств в Мертон-колледже. Университет даровал ему пару перчаток, а от архиепископа Лода, бывшего тогда главой Оксфорда, он получил копию комментарий Цезаря.

Помимо прочего был заказ портрет братьев самому Антонису ван Дейку, ученику Рубенса и с 1632 года придворный Карла I. (Приложение 3)

¹¹⁶ Scott. P.23.

¹¹⁷ Ibid. P.25.

¹¹⁸ Warburton. Vol. 1P.71.

Семейно-династические связи

Настоящая кампания развернулась за Рупрехта, когда он попал в имперский плен. Его мать и дядя предпринимали все те годы всякого рода меры по его освобождению, обращаясь за помощью ко многим влиятельным людям в Европе.

Новости о плене в Англии были получены с тревогой, и даже преувеличивали всю тяжесть проигрыша и ранений Рупрехта. Его судьба была сомнительна. Елизавету писала Томасу Рою, что лучше бы мальчик был мёртв, чем находился в руках врага, хотя мистер Крейн и убеждал её, что ничто не заставит Рупрехта сменить сторону и религию.

В январе 1639 года страхи Елизаветы насчёт Вены оправдались. Стало известно, что с Рупрехтом обращались обходительно, а в феврале рассматривалась встреча императора и принца, которая всё же не состоялась.

Лорд Кравейн к тому времени заплатил за своё освобождение двадцать тысяч, но ещё больше он предлагал за то, чтобы остаться вместе с Рупрехтом. Однако мальчика изолировали от друзей. Попытки Карла Людвига направить компаньона к Рупрехту были тщетны.

Все развлечения и свобода Рупрехта сводилась к случайному ужину с губернатором и прогулкам в саду.

Естественно постоянно создавались условия для его освобождения. Король Карл обращался и к испанцам, и к Франции, когда был захвачен польский король Казимир. Карл хотел его обменять на племянника, но ему был дан ответ, что принц не будет освобождён, пока есть опасность для империи. Так Рупрехт приобрёл угрожающую и воинственную репутацию.

В 1640 году благодаря заступничеству кардинала Испании ему всё-таки разрешили посещения, курфюрст послал в августе Кингсмайла, чтобы освободить его от одиночества.

Имперское дворянство

Несмотря на свое заключение, Рупрехт сумел завести новые знакомства и в среде имперского дворянства.

В заключении помимо прочего здесь имела место романтическая история. У Кюффштейна была прелестная и умная шестнадцатилетняя дочь - Сюзанна Мария, которая уговорила отца смягчить пребывание Рупрехта. Он стал частым гостем в их доме и мог проводить время в компании девушки, которая к слову всё же восхищалась им, но не испытывала особых чувств, выйдя замуж после три раза. Существует мнение, что Рупрехт из-за неё в Англии отверг Маргариту де Ронан, однако это же сделал и Мориц несколько позже. Помимо этого, предполагают, что именно из-за этой истории с Сюзанной Рупрехт никогда не женился.

Помимо Сюзанны у принца был ещё один друг – белый пудель по кличке Бой. Это был подарок от лорда Арунделя - английского посла в Вене.

В 1641 год против шведов император послал своего брата - эрцгерцога Леопольда. Тот к удаче Рупрехта проезжал через Линц и посетил принца. Между ними сложились быстро дружеские отношения на основе общих интересов и в силу небольшой разницы в возрасте. Леопольд был очарован принцем, и дружба между Ангелом-Леопольдом и Дьяволом-Рупрехтом продолжалась до конца их жизней. После Тридцатилетней войны Рупрехт некоторое время воевал на стороне своего давнего приятеля-католика императора Леопольда I.

Благодаря заступничеству эрцгерцога перед императором Рупрехту разрешили покидать своё место заключения сроком в три дня. Этим пользовались многие князья, которые приглашали его к себе. Среди них в том числе, как ни странно, был граф Кевенхеллер, который являлся одним из злейших врагов отца Рупрехта, Фридриха. Принц нашёл дом графа «самым привлекательным местом», где его «очень щедро развлекали».¹¹⁹

¹¹⁹Scott. P.46.

Рупрехт был весьма популярен среди местной знати, и всё же, несмотря на этот факт и общение с Сюзанной и эрцгерцогом, принц мысленно обращался в сторону Гааги, где по его словам, был дом.

В 1641 году король Карл отправил Томаса Роя в Вену, дабы уговорить императора освободить Рупрехта. К этому времени император сам колебался, его импонировал молодой принц, который осмелился бросить ему вызов. Его сдерживали только герцоги Баварские, настроенные на то, чтобы удерживать Рупрехта в плену как можно дольше. Сама герцогиня чуть ли не на коленях умоляла императора не выпускать отпрыска враждебной ветви Виттельсбахов.¹²⁰ Здесь нет ничего удивительного, так как герцоги баварские не хотели увеличивать шансы на возвращение Пфальца исконным владельцам.

Высшие военные чины Англии

Во время английской гражданской войны и с первых же ее дней король был намерен во многом полагаться на советы племянника. Он даже разделил армию на пехоту и кавалерию, чтобы Рупрехт был независим в принимаемых решениях и не подчинялся главнокомандующему. Однако стоит отметить, что это был неблагоприятный шаг, и он только посеял вражду между двумя частями армии¹²¹.

Далее в годы гражданской войны Рупрехт, исходя из увеличившегося объема писем и их характера, проявляет большую активность, часто обращаясь к различным титулованным адресатам. При всей горячности его характера, которую неоднократно подмечают его библиографы, в соответствии с имеющейся корреспонденцией он ответственно подходит к своему делу. Занимая один из высших руководящих постов в королевской армии, Рупрехт стремится контролировать действия своих подчиненных и заботиться

¹²⁰Warburton. Vol. 1.P.101.

¹²¹Morrah.P.30.

одновременно в целом о деле «кавалеров» и короля. К тому же он заводит полезные знакомства и дружбу, ставшие его опорой не только в обозначенные годы войны, но и в дальнейшем.

Во втором томе «Мемуаров» Варбутона приводятся уже шесть писем принца, два из которых, к счастью, были найдены им в канцелярии государственных бумаг. Одно из них датировано 31 октября 1643 года и отправлено генералу Горингу, а впоследствии лорду. В нем он выражает надежду, что генерал поступит правильно в отношении своих обязанностей и выражает свое уважение, называя себя другом и слугой, как того требовал этикет письма¹²².

Исходя из текста письма, напрашивается вывод, что Рупрехт знал о непокладистом характере Горинга и старался мягко и аккуратно напомнить тому про субординацию.

Второе письмо от 25 января 1644 года адресовано сэру Фрэнсису Оттли, в котором Рупрехт в весьма любезных выражениях сообщает информацию, касательно диспозиции своей армии и своих действий в ней¹²³. В третьем небольшом письме, отправленном в Оксфорд к Уильяму Леггу 18 апреля 1644 года, Рупрехт отзывается о предложении короля стать командующим кавалерий¹²⁴. Заметим, что это весьма скупой и вежливый ответ. Можно предположить, что подобный тон ответа связан с недовольством принца таким поздним по времени назначением, когда он ожидал его ранее и прилагал все возможное, увенчивая первые два года войны своими победами. 23 апреля этого же года Уиллу Легби было отправлено еще одно письмо Рупрехта, где последний весьма четко и ясно высказывался относительно своего будущего назначения и ситуации в королевской армии среди высших чинов. При этом Рупрехт не боялся давать некую оценку действиям короля¹²⁵. В обоих последних письмах Рупрехт пишет о себе в третьем лице. Возможно,

¹²²Warburton .Vol. 2.P.324.

¹²³Warburton .Vol. 2.P.366.

¹²⁴Ibid. P.368.

¹²⁵Ibid. P.406.

здесь мы имеем слияние двух течений: ренессансной традиции, исходящей еще из античного представления о письме в третьем лице (самый известный пример Цезарь), и, что представляется более важным, особенность писем XVI-XVII веков, которую мы встречаем, в том числе, и у других деятелей той же Тридцатилетней войны (Бернгард Саксон-Веймарский). Третье лицо выступает как указание на особый характер письма – рассуждение о каких-то своих достоинствах, обязательствах и тому подобное.

Еще одно письмо, отправленное из Ливерпуля 18 июня 1644 года к епископу Честера, характерно тем, что Рупрехт подробно излагает необходимость расположения войск в Честере и просит епископа посодействовать этому¹²⁶.

Целых двадцать четыре письма адресованы полковнику Уильяму Леггу. Он, судя по письмам, был не только приближенным Рупрехта, через которого часто и передавались важные сообщения, но и близким другом, которому Рупрехт доверительно сообщал свои мысли относительно сложившегося положения дел. Даже обращения и подписи отличаются от остальных привычных и оформленных по всем правилам писем. Они обращаются друг к другу по имени, без особых приписок по типу «ваш самый скромный слуга».

Английский монарх

Так, за период с ноября 1642 года по 1645 г (сдача Бристоля) насчитывается двадцать два письма, а в период между 1645 и 1648 годами лишь пара писем отправленных Карлом I Стюартом. Однако, несмотря на такую разницу в статистике, по этим письмам можно проследить, что отношение дяди к племяннику коренным образом не менялось, даже после Бристоля. Карл всегда, за исключением официального приказа о принятии принца на службу, обращался к Рупрехту не иначе как племянник, не употребляя форму «Как угодно Вашему Высочеству», а подписывался «самым любимым дядей и

¹²⁶Ibid. P.432.

верным другом Карлом Р». Как уже говорилось выше, король прислушивался к своему племяннику и доверял ему. Однако иногда он выражал опасения и мягко намекал тому на его ошибки. Так, например, в письме от двадцать пятого марта 1644 года Карл пишет, что посылает вместе с сэром Дигби свои кое-какие мысли, а сам Рупрехт не должен увлекаться в подражании Ганнибалу на пути достижения побед.

В письме о снятии Рупрехта с его военной должности после сдачи Бристоля Карл весьма официален¹²⁷. Это сухой и деловой тон, но никак не гнев или ярость. Рупрехт сам смиренно пишет Карлу о том, что надеется, что его действия все же оправдают. Вслед за этим король посылает еще одно, более личного характера, письмо младшему брату Рупрехта - Морицу. Карл Стюарт весьма четко, хотя и в принятых витиеватых выражениях, объясняет свою позицию относительно судьбы Рупрехта – он огорчен случившимся, но вынужден поступить как король своих подданных. И отправить того за море, это самое большее, что он может сделать¹²⁸. Помимо того, Карл через сэра Дигби выдал Рупрехту паспорт о беспрепятственном выезде из Англии.

Обращаясь к последним письмам Карла, отправленных Рупрехту, любопытно послание от двадцать восьмого октября 1648 года. Карл пишет, что за неимением шифра, посылает свои распоряжения к Рупрехту через Уила Легга¹²⁹. Вспомним, что Уильям Легг был так дорог принцу и что он оставался в тюрьме еще какое-то время, после отъезда Рупрехта из Англии. Сейчас же Карл доверяет только Леггу. Такое нельзя не рассматривать как жест примирения. И то, что в тяжелейшие для него дни Карл обращается именно к своему племяннику, тоже говорит нам о самых благожелательных отношениях между дядей и племянником.

¹²⁷Ibid. P.162.

¹²⁸Ibid. P.185.

¹²⁹Ibid. P.272.

Так же только лишь с 1648-1649 годов появляется переписка с будущим Карлом II Стюартом. При этом все меньше писем, адресованных Карлу I, а дела ведут скорее через того же секретаря Николсона.

Еще один титулованный родственник Рупрехта - принц Уэльский, а впоследствии Карл II Стюарт, не мог не стать адресантом принца в годы английских гражданских войны. Вероятно, неодобрение Рупрехта действий Карла во время его правления закладывалось заранее. Первое письмо, которое мы имеем в третьем томе Варбутона, послано из Гааги в январе 1649 года, в нем нет ничего о смерти Карла I, зато адресат сетует на свое печальное денежное положение¹³⁰. Еще одно письмо от Карла II, а если быть точным, то от его секретаря, датировано 1649 года и носит сугубо деловой характер¹³¹. Позже количество писем вырастает и Рупрехт пишет кузену все же чаще.

Внутрисемейные связи

Что же касается семьи Рупрехта, то здесь необходимо обратиться к коллекции Бромли, содержащей два десятка писем, в которых в основном идет речь о принце. Для Рупрехта в принципе характерно то, что лично его писем, обращенных к кому-то из членов семьи лишь совсем небольшое количество. И, несмотря на некую отстранённость от семьи, Рупрехт все еще зависим частично от нее и ее связей. А так же и сам принц важен Виттельсбахам, особенно после долгожданного приобретения принцем определенного статуса после 1661 года, но никак не ранее.

В поздний период, после реституции, Рупрехт, положение которого все еще было шатко, завел дружбу с мужем Софии, и их общим знакомым Джорджем Гильомом. В письме 1660 года София пишет, что они все вместе отправились

¹³⁰Ibid. P.271.

¹³¹Ibid. P.286.

на охоту, а ее муж, брат и Джордж Гильом прекрасно поладили, так как «очень похожи в своих развлечениях»¹³².

Сословная элита Европы

Рассмотрим письма с представителями высшей сословной элиты Европы. Сложно наиболее точно отобразить динамику отношений принца с ними в целом, так как они весьма разнятся хронологически. Можно лишь с точностью утверждать, что первые опыты закрепления определённых связей наблюдаются в годы Тридцатилетней войны и гражданской войны в Англии, когда первая стала определённым плацдармом в жизненном пути принца, а вторая позволила принцу стать и на континенте более заметным человеком. Поэтому предполагается рассматривать частные случаи, касающиеся конкретных людей или тем.

Среди прочих адресантов Рупрехта чаще всего тот же друг семьи - сэр Джордж Дигби, секретарь короля - Николсон, через которого передавались многие сведения и распоряжения, сэр Оуэн и генерал Горинг, о котором шла речь выше. Последнего так же хорошо характеризует, к примеру, письмо от двадцать второго января 1645 года (уже после поражения при Марстон-муре)¹³³. Генерал дерзко отвечает Рупрехту, который на тот момент все еще был выше его по должности, что если король и он, то есть принц, недовольны его действиями, то могут снять с генерала все его полномочия. При этом Горинг поспешно пишет о том, что на самом деле умоляет принять его слова как «послушание королю, его племяннику и моим старшим офицерам».

Вероятно, Рупрехт со временем только укрепляет свои позиции в королевской армии, что подтверждает динамика отношений принца и лорда Кларендона (Эдварда Хайда), который во время английской гражданской войны наставлял

¹³² Ibid. S.38.

¹³³ Ibid. P.65.

в чем-то и направлял принца. Письмо, посланное в связи все с той же сдачей Бристоля, от двадцать пятого мая 1645 года содержит в себе важные сведения касательно военной диспозиции, а часть информации и вовсе зашифрована¹³⁴. Однако это письмо носит личный характер. Сэр Эдвард Хайд пишет Рупрехту со всей доброжелательностью и открыто признается, что все его действия направлены на то, чтобы спасти того. Конечно, Варбутон отмечает, что такое личное письмо весьма похоже на страничку собственного труда Хайда.

Далее Эдвард Хайд не отказался от своего покровительства. Так по письму от двадцать пятого января 1649 года, отправленного, кстати, из Гааги, известно, что Хайд дал обещание принцу Уэльскому (будущему Карлу II Стюарту) и посодействовал тому, чтобы Рупрехт мог использовать Королевский Штандарт в некоторых особенных случаях¹³⁵. Особенно активность переписки Рупрехта с Хайдом приходится именно период после высылки принца из Англии. Можно сказать, что Хайд был неким связующим звеном между ним и Англией с Нидерландами.

Помимо военных тем в корреспонденции поднимаются такие интересные случаи, когда Рупрехта граф Беркшира в письме от 21 июня 1643 года просит посодействовать насчет сына (так называемые письма-интерцессии)¹³⁶, либо же спрашивают его мнения о и датских послых¹³⁷. В 1643 году Рупрехт даже получил письмо романтического характера от графини Дерби¹³⁸.

Решались и денежные вопросы. Тема финансов поднята в письме из коллекции Бромли на французском языке. Абрахам Фильделли пишет из Гейделберга в 1655 году Рупрехту, что выполнил приказы принца и уплатил

¹³⁴Ibid. P.92.

¹³⁵Ibid. P.276.

¹³⁶Warburton. Vol. 2.P.211.

¹³⁷Ibid. P.374.

¹³⁸Ibid. P.149.

долги¹³⁹. Суммы составляют 7970 и 3180 франков. Другое же письмо, написанное так же на французском и отправленное из Парижа в июне 1655 года месье де Шоко, касается уже переговоров адресанта и некого кардинала. Подробно говорилось про командование Рупрехта войсками герцога Моденского, которые составят две тысячи элитных французских солдат, одну тысячу шведов и три полка, которые Рупрехт приведет из Германии, и организацию обороны. В свою очередь, по словам де Шоко, Рупрехт надеялся что-то получить от герцога. К тому же де Шоко упоминает и королеву Англии в страшном беспокойстве. Та хотела узнать, часто ли Рупрехт получает новости от короля¹⁴⁰.

Говоря так же об инкорпорировании принца в дворянское сословие, следует упомянуть два письма на итальянском языке из той же коллекции Бромли. Они отправлены Христианом I Цвайбрюкеном-Биркенфельдом из Гейдельберга в 1655 году¹⁴¹. В них он весьма витиеватыми выражениями объясняет ситуацию касательно переговоров с Моденой, а так же восстановления прав принца, в чем, по всей видимости, он помогает ему.

Период морских странствий Рупрехта Варбутона восстанавливает лишь исключительно по дневниковым записям принца, носящие нарративный характер и не позволяющие использовать информацию из них для данного исследования.

Португальский монарх

Особенную нишу в корреспонденции принца занимают испанские письма. Так даже Варбутона приводит письмо Рупрехта португальскому королю Хуану IV Восстановителю, касающееся грядущего морского путешествия. В нем

¹³⁹Bromley.P.194.

¹⁴⁰Ibid. P.196.

¹⁴¹ Ibid. P.192.

принц расписывает предстоящие путешествие и подробно останавливается на моменте обеспечения такой экспедиции.

О пребывании Рупрехта в Лиссабоне можно судить и по целой группе писем, которые являлись ответом на запросы принца. Так Рупрехт привез с собой копию письма, выданную ему в Ирландии в марте 1649 года месье де Лилем, кавалером и первым джентльменом личного кабинета короля Великобритании (вероятно, здесь имеется в виду уже Карл II Стюарт)¹⁴². В нем принц называется самым благородным членом ордена подвязки, адмиралом и лейтенант-генералом войск короля. К королю Португалии же Рупрехт был послан с особым поручением.

Такая преамбула четко указывает нам, что принца английские кавалеры не забывали и все еще предавали ему значимость, даже уже после казни Карла I. А Карл II все же не спешил отстранять Рупрехта и лишать того какой-либо связи с Англией, в том числе и того, что касалось такой официальной части, как титулатура.

Так как английский королевский запрос о беспрепятственном вхождении кораблей англичан в порты королевства Португалии был утвержден, секретарь Жуана 4 – Перо Виеро де Сильва в своих ответах де Лилю сообщает, что принц Рупрехт получит особую протекцию от короля и разрешение на вхождение кораблей в португальские порты¹⁴³. Так же из писем секретаря самому Рупрехту известно, то прежде де Сильва общался с Морицем по этому делу. Однако позже, в январе 1650 года возникли юридические трудности с продажей товара, о чем де Сильва незамедлительно поспешил сообщить Рупрехту¹⁴⁴. Дело затянулось до марта, и де Сильвой были предложены особые условия продажи и хранение товаров. Затем напоследок он все же пишет, что король Португалии хотел бы остаться в

¹⁴²Gardiner. P.1.

¹⁴³Ibid. P.11.

¹⁴⁴Ibid. P.13.

дружеских отношениях с королем английским, а так же относится к принцу с честью и уважением.

С другой стороны, в ответ на декларацию Рупрехта Карл Вейн пишет свой ответ, где упоминает про вражеских агентов из Англии – вероятно сторонников Парламента, стремящихся к конфликту двух наций: кастильцев и португальцев, до этого годами ранее пребывавших в конфедерации¹⁴⁵. Таким образом, даже здесь в, казалось бы, обычной деловой ситуации Рупрехт оказывается в центре международной политики. Всего восемь писем, относящихся к испаноязычному блоку.

Подводя итог анализу корреспонденции принца, можно заключить одну важнейшую вещь. В действиях Рупрехта, несмотря на определенную привязанность, наблюдается тенденция постепенного отхода от семейных обязательств и долгов. Все больше расширяется круг знакомств, в котором принц занимает далеко не крайнее положение. Он собственными силами, во многом за счёт своих военных способностей и успехов, а где-то благодаря личностным качествам, формирует и создает новые связи с военной и аристократической элитой различных стран.

В целом адаптация Виттельсбахов в сословной среде происходила на нескольких уровнях или, если можно так выразиться, кругах, в зависимости от приближенности к семейству. Ближе всего оказались нидерландские штатгальтеры и английский король в силу родственно-династических связей. Их близость оправдывается той влиятельной помощью, которую они могли оказать семейству. В свою очередь эти связи ценились сильнее, чем остальные. И потому так особо важно было удержать и закрепить их. Затем система расширяется, в нее включаются английское, немецкое, французское и частично итальянское дворянство в зависимости от той сферы деятельности,

¹⁴⁵Ibid. P.17.

которая была важна мигранту: война, финансы, заключение союзов. При этом мигранты уже чувствовали себя под патронажем, как в первом случае. Они становились на равных.

Материальная и сословная адаптация маркграфов Баден-Дурлахских и герцога Вюртембергского

Маркграфам Баден-Дурлахским во многом приходилось опираться лишь на себя, хотя они активно искали союзников в Протестантском лагере.

Для начала следует отметить, что Акт об отречении зачитывался при «сыновьях господина и всех земельных владетелях. Эта публика представляла саму династию, администрацию и военных. Среди членов семьи присутствовали, по крайней мере, младшие сыновья Карл и Кристоф, которые сопровождали Георга Фридриха в военной компании, и Фридрих, его настоящий преемник. Кроме того, там находился представитель канцлера, наблюдавший за соблюдением закона при передаче власти и в качестве награды за старинные заслуги ушедший сразу после смены правителей.

Представители других сословий, по-видимому, не присутствовали на церемонии. Вероятная причина: потому что они были готовы всегда поддержать его политику, и маркграф банально привык к их хорошему отношению. Кроме того, земские представительства, несомненно, сыграли свою роль в других частях доклада. Их отсутствие являлось свидетельством того, что решение уйти в отставку было принято Георгом Фридрихом

спонтанно. Оно также было связано с приездом Фридриха Пятого, так что присутствовать при чтении могли только те, кто уже был на месте.¹⁴⁶

В связи с этим возникает вопрос, кто же к концу апреля вообще знал, что Георг Фридрих находится в отставке. Император – как глава империи – по официальным записям узнал лишь в августе 1622 года.

Проживая в Страсбурге, Георг Фридрих столкнулся с рядом проблем. Он вряд ли мог рассчитывать на сословную солидарность, разве что на позицию своего сына Фридриха V в протестантском лагере и грядущей битве под Нордлингеном. Однако часто самому Георгу Фридриху приходилось быть опорой. Для того же сына, который после разгрома бежал к отцу со своей огромной семьей и нежеланием менять привычные устои при дворе вопреки финансовым трудностям. Советники Георга Фридриха ответственно подходили к своей службе и предлагали разумные и рациональные расходы по сокращению расходов. Так некоторая часть лиц при дворе, чья доля состояла лишь в том, чтобы подыгрывать семейству, должна была быть отлучена от хозяйского стола и перейти на общее питание для всего остального штата. Так же предлагалось уволить излишних должностных лиц и слуг, сократить количество лошадей.¹⁴⁷

К слову, Георг Фридрих в отличие от тех же герцогов Вюртенбургских проживал не в самой престижной части города – за Рейном, вдали от ратуши и Собора.

И все же маркграф старался поддерживать свой статус, чем успешно пользовались многочисленные родственники, которые, скажем так, навещали его за границей. Так его внук, будущий Фридрих VI, долгое время в начале 1630-х годов (до битвы под Нордлингеном) посещал дедушку и пользовался его гостеприимством, в том время, как получал образование в Страсбурге.¹⁴⁸ Надо отметить, что традиционная линия поведения и образования, когда

¹⁴⁶ Roth. M. S.197

¹⁴⁷ Winckelmann. S. 84

¹⁴⁸ Ibid. S. 82

протестантские князья отправляли своих отпрысков для обучения в соседний и довольно престижный в этом ключе Страсбург, не поменялась даже в такие трудные времена.

Как и Виттельсбахов, новоиспеченного маркграфа Фридриха преследовали денежные трудности и угроза публичного суда с кредиторами. Еще в 1641 году, во время его отсутствия кредиторы подали иск. 19 мая 1644 года Фридрих подал ходатайство и сумел на год откупиться 366 гульденами.¹⁴⁹ Тем не менее, дело продолжалось еще несколько лет.

Эбергард Вюртембергский и его мать не могли похвастаться такой обширной сетью социальных знакомств, как у Виттельсбахов, тем более с династиями Европы.

Что касается отношений с властями города Эбергард и его мать и советники прибегали к обращению напрямую к чиновникам. Что неудивительно, ведь они, владетельные дворяне, собирались жить на чужой территории такого особого института как город. Средневековые устои еще никто не отменял, а с магистратами и бургомистрами приходилось считаться.

Так в том же черновике письма Барбары Софии от 14 августа 1634 года мы читаем, что вперед послан лесничий фон Кюхен, чтобы обустроить лажамент (резиденцию) в Страсбурге. А до этого вдовствующей герцогиней уже был послан Левин Бухман с письмом прямо к магистрату города Страсбурга.¹⁵⁰ Вероятно, он первым должен был получить официальное разрешение на обустройство резиденции и прибытии двора. Во всяком случае, Барбара София с нетерпением ожидала ответа от своих посланников, так как изрядное количество поклажи, людей и лошадей затрудняли передвижение.

¹⁴⁹ Roth, C. S. 200

¹⁵⁰ HSTAST G 67 Bü 23

Эбергард не затянул с ответом. В его письме к матери от того же 14 августа, отосланного из Штутгарта, мы находим строки и про переговоры тайных советников Страсбурга и советника Эбергарда – Иоганна Фридриха Шинкиля, которые к надежде герцога приведут к дальнейшему доброму и уважительному сотрудничеству.¹⁵¹

И все же это было лишь улаживание повседневных дел, и теперь стоило подумать о своем сословном статусе. Положение ухудшали семейные трагедии и споры.

Дело в том, что уже в 1636 году умерла Барбара София. Для принятия участия в похоронных процессах и ритуалах приглашались имперские князья, но никто не появился. Они вежливо отказывались, ссылаясь на «нынешнее бедственное положение» и «небезопасность дорог», как, например, брат покойной курфюрст Георг Вильгельм Бранденбургский.¹⁵² Закономерным итогом стало отсутствие равных по сословию в траурной процессии.

Что еще сильнее подкосило репутацию герцога, его связь с графиней Анной Катариной из рода графов Зольмс-Кирбургов, девушкой бесспорно привлекательной, но совершенно не подходящей его статусу - по мнению советников и, главное, матери. Примечательно, что самой Анне Катерине впоследствии будет посвящен биографический очерк.¹⁵³

И не смотря на запрет Барбары Софии Эбергард в феврале 1637 года женится на своей избраннице, к слову, уже беременной. Естественно, никто из империи не пожелал посетить торжество. Еще печальным фактом стали распространившиеся слухи об этой связи еще годом ранее. Так Вюртемберг

¹⁵¹ HSTAST G 67 Bü 23

¹⁵² Прокопьев А.Ю. С. 410

¹⁵³ Decker-Hauff H. Frauen im Hause Württemberg/Hrsg. von W. Setzler, V. Schäfer, S. Lörenz. Leinfelden-Echterdingen, 1997. S. 81 – 91; Fischer J. Anna Catharina// Das Haus Württemberg. S. 155 – 156.

терял своих союзников - курфюрста Саксонского. А двор императора и вовсе смотрел на это с отвращением.¹⁵⁴

Тем не менее, в том же 1637 году начались дипломатические переговоры с имперскими посланниками о возвращении в Штутгарт. Они вручили ему меморандум, но советовали набраться терпения.¹⁵⁵

Хотя, в конечном счете, Эбергард получил желаемое.

Таким образом, возможно, заключить, что Эбергарду Вюртембергскому и маркграфам Баден-Дурлахским не приходилось рассчитывать на близкие семейные связи, в большей мере они надеялись на сословную солидарность и поддержку прежде всего высшей имперской знати и родни, прежде всего протестантского курфюрста Саксонии. Если у пфальцских Виттельсбахов сыграло роль как раз близкое родство с английским домом и домом Оранских-Нассау, то в случае с Эбергардом и семьей маркграфа Баден-Дурлахского многое делалось в расчете на поддержку именно имперской элиты и дальних родственников (курфюрст Саксонии).

Отметим еще один аспект повседневной адаптации. В какой-то степени перенос моделей немецкого двора на новые резиденции в период миграции характеризовала связь со старой резиденцией в наследственных землях и одновременно символически воспроизводила неременную принадлежность к элитарному дворянству.

Конфессиональная идентичность

В первую очередь наши мигранты являлись протестантами, изгнанными из своих земель католиками. Потом они стремились в конфессионально приближенные или веротерпимые страны и города.

¹⁵⁴ Прокопьев А.Ю. С. 412

¹⁵⁵ Sattler. S.178

Для Виттельсбахов таким прибежищем в первую очередь являлись кальвинистские Нидерланды, о пребывании в которых подробно было сказано выше.

Неоспоримо, что для детей в этой семье кальвинизм был родным с младенчества.

Все дети – и мальчики, и девочки, были тщательно обучены теологии, согласно учению Кальвина. Как вспоминала София: «Знали Гейдельбергский катехизис весь наизусть, при этом, не понимая ни слова»¹⁵⁶.

По воскресеньям и средам двух богословов или двух профессоров всегда приглашали отобедать с детьми¹⁵⁷. Для мальчиков был составлен специальный учебный план: четыре часа отводилось им на отдых и физические упражнения, утром и вечером они посещали молитвы, читавшиеся на английском языке, после утренних – чтение Библии и учебные занятия. Они знали историю Реформации и религиозных споров. Ходили в церковь по праздникам и воскресеньям.

Для кого-то подобное воспитание оказалось основополагающим. Например, тот же Карл Людвиг связывал веру, свою семью и, в конце концов, Пфальц.

Несмотря на это двое детей предпочли перейти в католичество, этот сюжет так же рассматривался выше. Здесь скорее не отторжение от религии, а от навязывания ее семьей и окружающим обществом. Для Эдуарда смена религии была инструментом для понятия своего престижа, ведь так он смог выгодно для себя жениться. Луиза Голландина, конечно, пример более сознательного перехода в католичество.

Своенравный Рупрехт, конечно, отличился. До конца жизни он оставался протестантом, это бесспорно. Однако в его биографии была пара моментов, когда семья всерьез беспокоилась за эту сторону его жизни.

¹⁵⁶ Scott. P.11.

¹⁵⁷ Ibid. P.10.

Во время его поездки в Англию королева Генриетта видела в прекрасном племяннике мужа надежды на переход в католичество. В свою очередь Рупрехта действительно увлекал художественный аспект этой конфессии.

За последним моментом с тревогой наблюдал Карл Людвиг. Он писал, что Рупрехт «всегда был с Королевой, её дамами и её папистами».¹⁵⁸ Сетовал он и на дружбу Рупрехта с поэтом Эндимионом Портером, чья жена была католичка. Томас Рой так же намекал Елизавете, что пребывание принца в Англии не имеет ничего плохого, но может понести за собой что-то опасное.

Тем не менее, принц остался верен кальвинизму. Во время его имперского плена императором Фердинандом III неоднократно были сделаны предложения о переходе Рупрехта в католичество и на службу Империи в обмен на освобождение. Тот ответил категорическим отказом, так как не желал идти против своей чести и семьи.¹⁵⁹

После войны принц все еще остается героем протестантского дела. В письме от двадцать четвертого ноября 1677 года к Софии Карл Людвиг пишет с опаской, что те, кто имеет душу военного и кто хочет продиктовать протестантскую веру через оружие, находят принца Рупрехта более эталонным, чем двор Пфальца, который «не ищет ничего, кроме мира и согласия»¹⁶⁰.

Складывается впечатление, что Рупрехт, человек наиболее светский и военный, чем религиозный, придавал религии тот же смысл, что и его младший брат Эдуард. Это был всего лишь инструмент, с помощью которого он мог найти себе друзей и союзников в нелегком плане по возвращению своего сословного статуса. Он мог одновременно вести дела с протестантами-англичанами, но дружить с католиком Леопольдом и даже

¹⁵⁸ Ibid. P.23.

¹⁵⁹ Ibid. P.43.

¹⁶⁰ Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover .S.309.

впоследствии служить ему, императору Священной Римской империи. И в то же время он знал правила игры и не собирался кардинально отказываться от своей веры, ведь это означало полную потерю связи с Пфальцем. В его любимой протестантской Англии он тоже не смог бы сделать такую блестящую карьеру, которой в итоге добился.

Про лютеранина Георга Фридриха в этом плане можно сказать немного. Лишь то, что во время его пребывания в Женеве бывший маркграф вступил в конфликт с местными кальвинистскими властями, так как в своей резиденции активно поддерживал лютеран и приглашал их к себе. В какой-то мере это послужило причиной его отъезда в Страсбург.

Строгое лютеранское воспитание получил его сын и наследник Фридрих.

Для Эбергарда его конфессиональная принадлежность не играла особой роли, хотя и он, и его мать придавали вере так таковой большое значение. В прочем, как и остальные европейцы этого столетия.

В своих письмах Барбара София и Эбергард зачастую обращаются к всемогущей силе господ, который непременно «не позволит довести наш страну до полного разрушения». А так же в концепте, то есть черновике, письма Барбары Софии к сыну от четырнадцатого августа 1634 года женщина видит главное предназначение герцога в том, чтобы «он слово Божье, поданных его, страну и людей поддерживал и трудные времена и остался верен церкви», которая непременно окажет ему поддержку. И тогда, в конце концов, Эбергард обретет блаженство и душевный покой.¹⁶¹

¹⁶¹ HSTAST G 67 Bū 23

Конфессиональная солидарность по-разному использовалась обозначенными мигрантами. Для кого-то это был лишь военный союзник: Фридрих Пфальцский и Густав Адольф, принцы Пфальцские и английское дворянство, Георг Фридрих и датчане. Кто-то смог найти себе новое пристанище отчасти и из-за принадлежности к одной вере. Здесь наиболее показателен пример пребывания Виттельсбахов в Нидерландах. А в случае с Эбергардом конфессиональная принадлежность не сыграла особой роли.

Итак, мы рассмотрели несколько аспектов поведенческой модели в условиях миграции в среде немецкого дворянства во время Тридцатилетней войны. Особыми маркерами для нас служили хронология миграционных волн, маршруты и география миграционных потоков. Подробнее мы остановились на стратегиях адаптации мигрантов в иноземной и чужеродной среде. Три примера семейств, который использовали в той или иной степени сословную и конфессиональную солидарность.

В то же время их не воспринимали как иностранцев. Исключение здесь может составить лишь участие принца Рупрехта Пфальцкого в английской гражданской войне. Но он все равно виделся как наемник, что было нормальной и распространенной военной практикой для всего европейского сообщества.

Можно заключить, что чужими они чувствовали себя в плане отторжения от наследственной земли и невозможности поддержания даже видимого социального статуса. С другой стороны они не видели в проживании на другой, иностранной территории ничего запретного в их понимании. Они не теряли свою «национальную» самоидентичность, так как не имели ее так таковой. Для них куда сильнее была связь с большим дворянским «интернационалом» и возможность как можно скорее занять в нем заветное место.

Заключение

Итак, были рассмотрены три примера миграции немецкого дворянства в такой трудный период как кризисный для Европы XVII век и в частности

Тридцатилетняя война. Пфальцские Виттельсбахи, Эбергард Вюртембергский и маркграфы Баден-Дурлахские не только показательные примеры, но и представляют собой систему нескольких сравнительных между собой моделей поведения в миграции.

На основе их изучения ответим на поставленные задачи исследования.

Дворянские миграции в условиях кризиса Тридцатилетней войны характеризуются несколькими волнами. Первая волна ограничивается 1620 – 1625 годами. Помимо вышеупомянутого семейства Виттельсбахов эти годы оказались трагичными для семейств Богемии, все еще считавшихся вассалами императора. В те же годы старший представитель семейства Баден-Дурлахских бежит в Женеву.

Вторая волна связана с датским вступлением в войну и проигрышем. В 1628-1629 годах бегут такие богатые и обеспеченные дворяне, как герцоги Мекленбургские. Закономерным финалом этой волны является эдикт о р е с т и т у ц и и 1 6 2 9 г о д а , к о т о р ы й предусматривал возвращение католическим князьям церковных земель, секуляризированных после Пассауского договора 1552 года и перешедших во владение протестантских князей.

Третья же волна заставила подняться с места тех, кто еще надеялся на восстановление своих конфессиональных прав. 1634 – 1635 года ознаменовали собой не только военные неудачи протестантского военного лагеря, но и массовое бегство всех тех, кто не подписал Пражский мир 1635 года.

География миграции распространяется на такие европейские страны, как Франция, Нидерланды, Англия, Португалия, а так же выходит за пределы континента и доходит до Атлантического океана.

Основными формами стратегии адаптации для мигрантов являлась материальная адаптация, устройство новой резиденции, а так же установление сословной и конфессиональной идентичностей.

Система ценностей в условиях кризиса миграции и мировоззрения дворянства в корне не менялись. Они были верны семье, конфессии (в большинстве случаев), чести и долгу своей службы и сословия.

Если говорить о соотношении национального, социального и конфессионального, то, безусловно, социальное и конфессиональное превалирует над национальным. Мигранты не воспринимали себя только как политическими изгнанниками. В первую очередь они стремились вернуться на свое положение в сословной иерархии Европы.

Теперь на основе ответов на поставленные задачи обратимся к цели исследования и теме работы, сформулировав аспекты дворянской миграции этого периода.

Аспект первый. Родственно-династические связи. Мы должны ясно понимать: лишение наследства, изгнание влекли острейший кризис статуса владельца, он воспринимался крайне болезненно. Исчезало материальное наследство, наступал пространственный разрыв с собственными владениями, своим «Отечеством». Тем самым разрушался важнейший сегмент наследственного благородства, что бросала густую тень на «честь» самих эмигрантов. Необходимо было задействовать другую важную составляющую – традиционное прирожденное родство. Иными словами, утрата земли компенсировалась активной симуляцией родственно-династической солидарности. К помощи со стороны именитой родни стремились прибегать в первую очередь. Виттельсбахи нашли приют в Нидерландах, штатгальтеры которых - Оранские приходились им родственниками. Помощь у родственников в лице курфюрста Саксонии и Бранденбурга искал и нашедший убежище в Страсбурге в 1634 г. герцог Эбергард Вюртембергский.

Аспект второй. Сословная принадлежность. Помимо родственников у мигрантов остаются друзья, ленники, дворяне, давно уже подвизавшиеся на службе. Так Карл Людвиг и Рупрехт находят сподвижников в Англии, финансирующих военную кампанию и набор наемников. Эбергард Вюртембергский из Страсбурга пишет письма своим старым друзьям, таким же дворянам, оставшимся в Империи с просьбой помочь материально или приехать на похороны матери. Несмотря на имеющиеся связи, наши мигранты вплоть до реставрации, а кто-то и до конца жизни будут бороться за восстановление своего сословного статуса, положенному им при рождении.

Аспект третий. Вероисповедание. Не будем забывать, что для раннего нового времени конфессии во многом играли лидирующую роль. По сути, Тридцатилетняя война это религиозно-политический конфликт. Наши герои мигранты это протестанты, лишённые императором-католиком собственных земель. Отсюда и векторы направлений миграций – кальвинистские Штаты (Виттельсбахи), лютеранский Страсбург (Эбергард Вюртембергский), свободный по вероисповеданию Базель с большой реформатской общиной и наконец, кальвинистская Женева (Георг Фридриха Баден-Дурлахский).

Аспект четвертый. Земельно-вотчинная принадлежность. Как уже говорилось, желание вернуться на семейную землю было велико. Еще не отжило средневековое представление о том, дворянин без земли не дворянин.

И что же приходится тогда говорить о тех князьях, которые лишились земель, где издавна жили их предки? Конечно, их поведенческую модель в миграции во многом определяло стремление вернуться на исконные места. Они задействовали все те аспекты, о которых говорилось выше, чтобы добиться своего.

И если наследственные земли покидали отцы (Фридрих V), то возвращались уже их дети (Карл Людвиг Виттельсбах) после 1648 года.

Конечно, после долгожданного возвращения не у всех началась спокойная и счастливая жизнь. Если, вернувшись в Вюртемберг и получив по Вестфальскому миру утраченные земли, Эбергард занялся приведением в порядок государственного управления, церковных и финансовых дел, то положение Рупрехта Пфальцского все так же оставалось под вопросом. К его несчастью, он не был старшим братом, а собственно не стал курфюрстом в Пфальце, он не получил от брата и тех земель, которые желала приобрести в курфюршестве. Карл Людвиг, как и Эбергарду, пришлось заняться восстановлением сильно разрушенных земель. Выполнить условия младшего брата он был не в состоянии. В итоге Рупрехт продолжил свои скитания по миру, пользуясь все так же сословными и родственными связями, а так же собственной харизмой.

Аспект пятый. Личная харизма, добродетель персоны. С одной стороны, этот аспект важен с точки зрения социальной антропологии, но с другой – этот более частный случай так же играл свою роль в вопросах идентичности мигранта. Если у тебя нет денег, и остались лишь родственные связи, то завести новые и полезные знакомства необходимо. Рупрехт Пфальцкий яркий пример и феномен. Он завел дружбу, знакомства и даже уважение как части английского дворянства, так и даже во время имперского плена легко сошелся с немецкими католическими семействами, а в дальнейшем и с французскими и португальскими политическими и военными деятелями путем своих военных успехов, знания семи европейских языков и наличием обаяния и веселого характера. А так же, как военачальник, он умел находить общий язык со своими подчиненными, простыми солдатами.

Итак, были приведены пять базовых социальных аспектов дворянской миграции XVII столетия. Но остается еще один, тот, который и позволяет нам собственно эту миграцию назвать миграцией. Все-таки это был не просто переезд дворянина, это был побег немца в другую страну. XVII век это то время, тот перекресток, когда еще не зарождаются нации в нашем понимании этого термина, а этическому происхождению уже не придавалось столь много

значения, как это было в поздней античности или будет в новейшее время. И все же этнический аспект присутствовал.

Аспект шестой. Этнический. Пусть он был в малой, насмешливой форме, но был. Это был инструмент нападок, скомпрометирования нежелательного политического или военного оппонента. Говорили, что он другой веры, что он не лоялен данному королю, и, в конце концов, называли испанским, немецким, английским и т.п. шпионом. Так и мигранты могли попадать в эту категорию. Тот же Рупрехт Пфальцский был немецкой выскочкой для тех англичан, которых он потеснил на службе, для его противников со стороны Парламента. Он был племянником короля, но его враги могли апеллировать к иноземному, *другому*, происхождению принца. И это несмотря на то, что Рупрехт, так долго и не прожив в Германии, посвящает большую часть своей жизни Англии и ее процветанию.

Такова, на наш взгляд, в общих чертах структура адаптации: её элементы активно использовались эмигрантами из числа владетельных персон Империи. Насколько она была типична для всех двух волн дворянской миграции – покажут дальнейшие исследования.

Список сокращений:

Источники

1. Bentley. – Bentley R. Memoirs of the Princess Palatine princess of Bohemia. London, 1853. 400 p.
2. Berichte des Johann Heinriche Stern. – Berichte des Johann Heinriche Stern über das Leben der Prinzen und Prinzsenen in Leiden und Haag. 1631-1633. // Schmidt F. Geschichte der Erziehung der pfälzischen Wittelsbacher. B., 1899. 324-328 s.
3. Briefe der Kurfürstin Sophie. – Bodemann E. Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Knugräftinnen und Knugrafen zu Pfalz. Leipzig, 1888. 345 s.
4. Bromley. – Bromley G. A collection of original royal letters. London, 1787. 382 p.
5. Gardiner. – Gardiner S. R. Prince Rupert at Lisbon. London, 1902. 40 p.
6. HStAS – Главный государственный архив Штутгарта: Hauptstaatsarchiv Stuttgart
7. Warburton. – Warburton E. Memoirs of Prince Rupert, and the Cavaliers. Vol 1-3. London, 1849. 1694 p.

Литература

8. Веджвуд. – Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война. М., 2012. 579 с.
9. Прокопьев А.Ю. – Прокопьев А.Ю. Поражение, бегство и реванш: Эбергард Вюртембергский в Тридцатилетней войне // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. 586 с.

10. Прокопьев А.. Германия в эпоху религиозного раскола. – Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола (1555-1648). Санкт-Петербург, 2002. 373 с.
11. ADB – Stälin.P.F. Johann Friedrich, Herzog von Württemberg. // Allgemeine Deutsche Biographie. Band 14, Duncker & Humblot, Leipzig 1881, S. 441
12. Boas. – Boas F. With Milton and the Cavaliers. L.,1905. 380 p.
13. Gower. – Gower R. Rupert of the Rhine. L.,1890.162 p.
14. Hauck. – Hauck K. Rupprecht der Kavalier Pfalzgraf bei Rhein (1619-1682). Heidelberg, 1906. 113 s.
15. Kitson. – Kitson F. Prince Rupert. Portrait of a Soldier. London, 1994. 195 p.
16. Morrah. – Morrah P. Prince Rupert of the Rhine. London, 1976. 468 p.
17. Rebitsch. – Rebitsch R. Rupert von der Pfalz (1619-1682): ein deutscher Fürstenson im Dienst der Stuarts. Wien, 2005. 171 s.
18. Roth, C. – Roth, C. Der ehemalige Basler Besitz der Markgrafen von Baden // Basel Jahrbuch. Basel, 1912
19. Roth. M. – Roth. M. Die Abdankung Markgraf Georg Friedrichs von Baden-Durlach// Die Abdankung im Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit. Ed. by S. Richter. Hg, 2010. 344 s.
20. Sattler – Sattler, C. F. Geschichte des Herzogthums Württemberg unter der Regierung der Herzogen. Frankfurt, 1764. 532 s.
21. Scott. – Scott E. Rupert Prince of Palatine. NY.,1900. 406 p.
22. Spenser. – Spenser Ch. Prince Rupert. London, 2007. 272 p.
23. Treskow. – Treskow A. Leben des Prinzen Ruprecht von der Pfalz. Berlin, 1857. 223 s.

24. Winckelmann. – Winckelmann O. Das Strassburger Drachenschlössl//
Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1918.

Список используемых источников и литературы:

Источники:

А) Неопубликованные источники

1. 1.01.19 W.G. van Oijen, E.A.Th.M. Schreuder, H.A.J. van Schie Nationaal Archief, Den Haag
2. Главный государственный архив Штутгарта: Hauptstaatsarchiv Stuttgart G 67 Bū 23
3. Главный государственный архив Штуттгарта: Hauptstaatsarchiv Stuttgart G 87 Bū 11

Б) Опубликованные

1. Album studiosorum Academiae Iugduno batavae MDLXXV-MDCCCLXXV; accedunt nomina curatorum et professorum per eadem secula. Hagae, 1875.
2. Bentley R. Memoirs of the Princess Palatine princess of Bohemia. London, 1853. 400 p.
3. Berichte des Johann Heinriche Stern über das Leben der Prinzen und Prinzessen in Leiden und Haag. 1631-1633. // Schmidt F. Geschichte der Erziehung der pfälzischen Wittelsbacher. Berlin, 1899. 324-328 s.
4. Bodemann E. Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Knugräffinnen und Knugrafen zu Pfalz. Leipzig, 1888. 345 s.
5. Bromley G. A collection of original royal letters. London, 1787. 382 p.
6. Gardiner S. R. Prince Rupert at Lisbon. London, 1902. 40 p.
7. Godfrey E. A sister of Prince Rupert, Elizabeth princess palatine and abbess of Herford. London, NY., 1909. 441 p.
8. Warburton E. Memoirs of Prince Rupert, and the Cavaliers. Vol 1-3. London, 1849. 1694 p.

Литература:

1. Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война. М., 2012. 579 с.
2. Ивонин Ю.Е., Артеменков М.Н. Интернациональный кальвинизм во второй половине XVI - первой половине XVII в. // Вторые Авраамиевские чтения: Материалы научнопрактической конференции. Смоленск, 2004. С. 279-295

3. Прокопьев А.Ю. Война и семья: история одного скандала в Тридцатилетнюю войну // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Эл.: <https://history.jes.su/s207987840001364-9-2>
4. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола (1555-1648). Санкт-Петербург, 2002. 373 с.
5. Прокопьев А.Ю. Поражение, бегство и реванш: Эбергард Вюртембергский в Тридцатилетней войне // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. 586 с.
6. Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война в вопросах и ответах. Санкт-Петербург, 2016. 158 с.
7. Родионов М., Волкова Т. Западноевропейские политические элиты: от Священной Римской империи до Евросоюза // Социально-гуманитарные знания. Вып. 3. 2015. С.111- 124
8. Adel in der Frühneuzeit. Ein regionaler Vergleich / Hrsg. von R. Enders. Köln, Wien: Böhlau, 1991. 199 S.
9. Boas F. With Milton and the Cavaliers. L., 1905. 380 p.
10. Brechenmacher T. Kampmann C. Migration und Religion - Glaubensbedingte Wanderungsbewegungen in der Geschichte: Einführung in die Gesamthematik//Historisches Jahrbuch. Ed. by Brechenmacher T. Kampmann C. München, 2015.
11. Brunner O. Adeliges Landleben und europäischer Geist. Leben und Werk Wolf Helmhards von Hohberg 1612 – 1688. Salzburg: O. Müller, 1949. 376 s.
12. Bünz R. Kurfürst Karl Ludwig, Prinz Rupert und die Herren Leslie von Langenzell. Ein vergessenes Kapitel britisch-kurpfälzischer Beziehungen im 17. Jahrhundert // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins 159 (2011). S. 355 – 387.

13. Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg. Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1992. 308 s.
14. Decker-Hauff H. Frauen im Hause Württemberg/Hrsg. von W. Setzler, V. Schäfer, S. Lörenz. Leinfelden-Echterdingen, 1997. S. 81 – 91
15. Der Winterkönig. Königlicher Glanz in Amberg. Vortragsreihe des Stadtarchivs Amberg zur Landesausstellung 2003 / Hrsg. von J. Laschinger. Amberg: Stadtarchiv, 2004. 211 s. (Henker M. Künstler, Konvertiten, Königskinder – Die Familie Winterkönig // ... S. 160 – 172.)
16. Der Winterkönig Friedrich von der Pfalz. Bayern und Europa im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges / Hrsg. von P. Wolf, M. Henker, E. Brockhoff, B. Steinherr, S. Lippold. Augsburg: Theiss, 2003. 376 s.
17. Fehrle-Burger L. Königliche Frauenschicksale zwischen England und Kurpfalz. Haas, 1965. 178 s.
18. Findeisen J.P. Friedrich V. von der Pfalz // Findeisen J.-P. Der Dreißigjährige Krieg. Eine Epoche in Lebensbildern. Graz, Wien u.a., 1998. S. 78 – 83.
19. Fischer J. Anna Catharina// Das Haus Württemberg. S. 155 – 156.
20. Goetze J. Exil im Haag: Die Kinder des Winterkönigs // Liselotte von der Pfalz. Madame am Hof des Sonnenkönigs [Ausstellungskatalog] / Hrsg. von S. Paas. Heidelberg, 1996. S. 15 – 24.
21. Gower R. Rupert of the Rhine. London, 1890. 162 p.
22. Hauck K. Die Briefe der Kinder des Winterkönigs. Heidelberg: G. Koester, 1908. 365 s.
23. Hauck K. Rupprecht der Kavalier Pfalzgraf bei Rhein (1619-1682). Heidelberg, 1906. 113 s.
24. Jaritz G., Müller A. Migration in der Feudalgesellschaft. Frankfurt, 1988. 403 s.

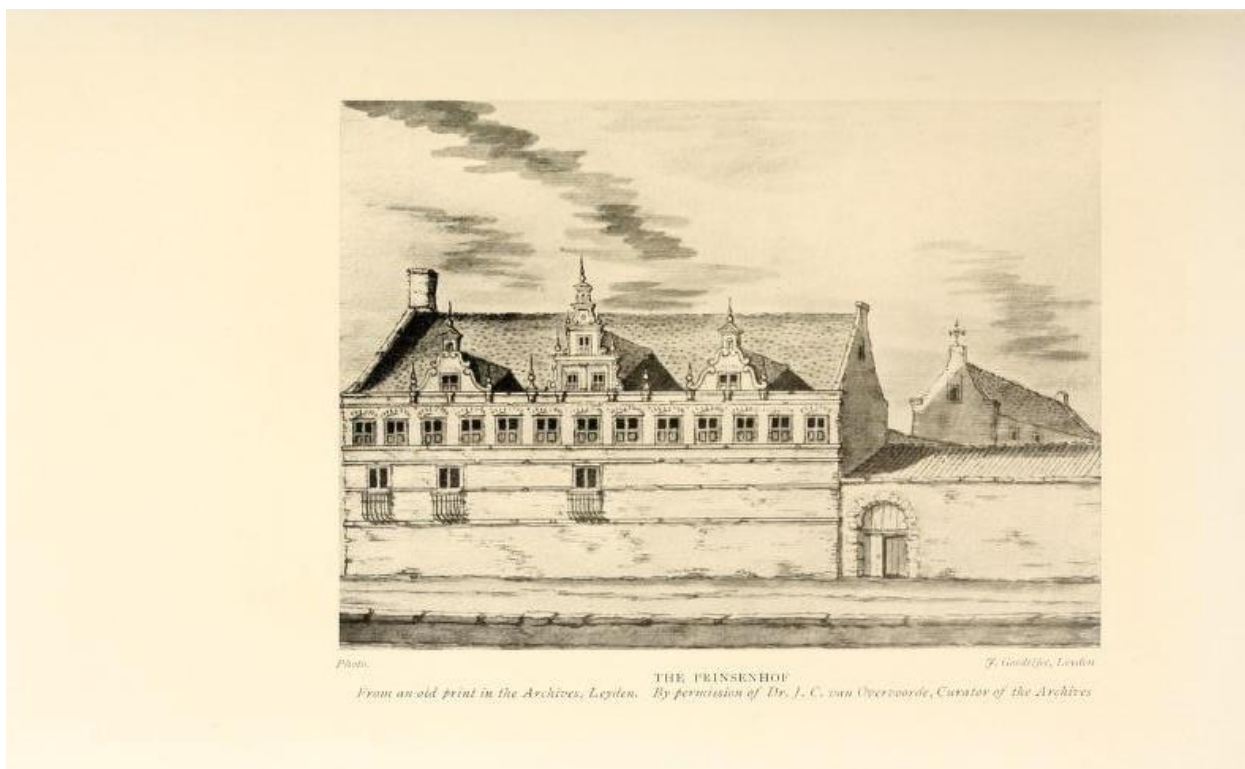
25. Kampmann C. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Kohlhammer, Stuttgart, 2008. 228 s.
26. Kawamura S. The Bohemian state-law and the Bohemian Ausgleich. Tokyo, 2010. 226 p.
27. Kitson F. Prince Rupert. Portrait of a Soldier. London, 1994. 195 p.
28. Köbler G. Historisches Lexikon der Deutschen Länder: die deutschen Territorien vom Mittelalter bis zur Gegenwart. 7 Aufl. München: C.H. Beck, 2007. 976 s.
29. Kohnle A. Kleine Geschichte der Markgrafschaft Baden. Heidelberg, 2007. 208 s.
30. Krieg, Militär und Migration in der Frühen Neuzeit. Ed. by Matthias Asche / Michael Herrmann / Anton Schindling u.a. (Hgg.). Berlin, 2008. 296 s.
31. Langer H. Der Heilbronner Bund (1633–35) // Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit? Oldenbourg. Volker Press/Dieter Stievermann (Hrsg.) München 1995, S. 113–122
32. Magreta T. J. The Development of Orange-Nassau Princely Artistic Activity. NY., 2008. 351 p.
33. Matz K. J. Kleine Geschichte des Landes Baden-Württemberg. Leinfelden – Echterdingen, 2010. 216 s.
34. Morrah P. Prince Rupert of the Rhine. London, 1976. 468 p.
35. Mortimer G. The Origins of the Thirty Years War and the Revolt in Bohemia, 1618. Springer, 2015. 306 p.
36. Petersen E. The Danish intermezzo // The Thirty Years' War. Ed. by G. Parker. London, 1997. 64-73 p.
37. Press V. Adel im Alten Reich. Tübingen, 1998. 458 p.

38. Press V. Bayerens wittelsbachische Gegenspieler – Die Heidelberger Kurfürsten 1505 - 1685. // Um Glauben und Reich Kurfürst Maximilian I. München– Zürich,1980. 1-30 p.
39. Press V. Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze. / Hrsg. von Kunisch. Berlin: Duncker und Humblot, 1998. 688 S.
40. Press V. Kriege und Krisen: Deutschland 1600-1715. C.H.Beck, 1991. 551 s.
41. Querengässer A. Bernhard von Sachsen-Weimar und das Herzogtum Franken – Versuch einer Herrschaftsbildung? //Die Ernestiner: Politik, Kultur und gesellschaftlicher Wandel. 2016. S. 145-162
42. Raff G. Hie gut Wirtemberg allweg II. Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I bis Herzog Eberhard III. Degerloh, 1993. 804 s.
43. Rebitsch R. Rupert von der Pfalz (1619-1682): ein deutscher Fürstenson im Dienst der Stuarts. Wien, 2005. 171 s.
44. Roeck B. Migration und Kulturtransfer in der frühen Neuzeit. Universitätsverlag Osnabrück bei V&R unipress, 2010. 46 s.
45. Roth, C. Der ehemalige Basler Besitz der Markgrafen von Baden // Basel Jahrbuch. Basel, 1912
46. Roth. M. Die Abdankung Markgraf Georg Friedrichs von Baden-Durlach// Die Abdankung im Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit. Ed. by S. Richter. Hg, 2010. 344 s.
47. Rüde M. England und Kurpfalz im werdenden Mächteuropa (1608-1632). Konfession - Dynastie - kulturelle Ausdrucksformen. Stuttgart, 2006. 324 s.
48. Sattler, C. F. Geschichte des Herzogthums Württemberg unter der Regierung der Herzogen. Frankfurt, 1764. 532 s.
49. Schaab M. Geschichte der Kurpfalz. Band 2: Neuzeit. Stuttgart, Berlin,1992. 322 s.

50. Schukraft H. Kleine Geschichte des Hauses Württemberg. Tübingen, 2006. 292 s.
51. Schwarzmaier H. Die Flucht aus dem Krieg. Die Markgrafen von Baden und die Stadt Basel im 17. und 18. Jahrhundert// Stadt und Land. Bilder, Inszenierungen und Visionen in Geschichte und Gegenwart . Wolfgang von Hippel zum 65. Geburtstag/ Hrsg. von S. Schraut, B. Stier. Stuttgart, 2001. S. 55 – 74
52. Schmidt G. «Absolutes Dominat» oder «deutsche Freiheit». Der Kampf um die Reichsverfassung zwischen Prager und Westfälischem Frieden // Widerstandsrecht in der frühen Neuzeit. Erträge und Perspektiven der Forschung im deutsch-britischen Vergleich.(Zeitschrift für historische Forschung, Beiheft 26). Berlin, 2001. S. 265–284.
53. Schmidt G. Der Dreißigjährige Krieg. 6. Auflage. Beck, München, 2003. 124 s.
54. Scott, E. Rupert Prince of Palatine. NY., 1900. 406 p.
55. Spenser Ch. Prince Rupert. London, 2007. 272 p.
56. Stälin.P. F. Johann Friedrich, Herzog von Württemberg. // ADB. Band 14, Duncker & Humblot, Leipzig 1881, S. 441
57. Stälin.P. F. Eberhard III., Herzog von Württemberg. //ADB. Band 5, Duncker & Humblot, Leipzig 1877, S.559–561.
58. Treskow A. Leben des Prinzen Ruprecht von der Pfalz. B.,1857.223 s.
59. Winckelmann O. Das Strassburger Drachenschlössl// Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1918.
60. Wrede, M. Ohne fürcht und Tadel – für König und Vaterland. Frühneuzeitlicher Hochadel zwischen Familienehre, Ritterideal und Fürstendienst. Ostfildern, 2012. 484 s.

61. Wunder B. Kleine Geschichte des Herzogtums Württemberg. DRW, Leinfelden-Echterdingen, 2009. 213 s.

Приложение 1.

Дом Виттельсбахов в Лейдене

Godfrey E. A sister of Prince Rupert, Elizabeth princess palatine and abbess of Herford. London, 1909. P.41.

Приложение 2.

Prinz Moritz von der Pfalz, Gemälde von Gerrit van Honthorst
Настоящее месторасположение картины – Лувр (Париж).

Приложение 3.

Karl I. Ludwig von der Pfalz mit seinem Bruder Prinz Ruprecht von der Pfalz im Harnisch, Gemälde von Anthonis van Dyck, 1637

Настоящее месторасположение картины – Лувр (Париж).